

На правах рукописи

ЖЕРЛИЦЫНА Наталья Александровна

**РОЛЬ СТРАН МАГРИБА (АЛЖИРА, ТУНИСА, ТРИПОЛИТАНИИ И
МАРОККО) В СОПЕРНИЧЕСТВЕ РОССИИ С ЕВРОПЕЙСКИМИ
ИМПЕРИЯМИ В КОНЦЕ XVIII - НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ**

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

доктора исторических наук

Специальность 5.6.7. История международных отношений и внешней
политики

МОСКВА 2023

Работа выполнена в Центре истории и культурной антропологии Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института Африки Российской академии наук

Научный консультант:

Васильев Алексей Михайлович, доктор исторических наук, профессор, академик РАН, Почетный президент ИАФР РАН

Официальные оппоненты:

Дьяков Николай Николаевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории стран Ближнего Востока ФГБОУВО «Санкт-Петербургский государственный университет»

Мирзаханов Велихан Салманханович, доктор исторических наук, профессор, заместитель директора по научной работе ФГБУН Института Всеобщей истории РАН

Яковлев Александр Иванович, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра арабских и исламских исследований ФГБУН Института востоковедения РАН

Ведущая организация:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина»

Защита диссертации состоится «___» _____ 2023 года в ___ часов на заседании диссертационного совета 24.1.033.02 при Федеральном государственном бюджетном учреждении науки Института Африки Российской академии наук по адресу: 123001, Россия, Москва, ул. Спиридоновка, д. 30/1.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте ФГБУН Института Африки РАН по адресу: 123001, Россия, Москва, ул. Спиридоновка, д. 30/1, <https://www.inafran.ru>

Автореферат разослан «___» _____ 2023 г.

Ученый секретарь диссертационного совета, к.и.н. Грибанова В.В.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность работы

В мировой политике в течение последних двух столетий регион Ближнего Востока и Северной Африки (БВСА) воспринимался как имеющий важнейшее стратегическое значение. Территории Азии и Африки, о которых идет речь, исторически составляли ядро исламской цивилизации. Шесть веков – с XV до начала XX – объединяющим центром для них являлась Османская империя. Ближайшим соседом и соперником мусульманской империи была Европа, их многовековое противостояние сформировало историю обеих сторон. Интересы двух цивилизаций сталкивались в Средиземноморском бассейне, основной транспортной и торговой артерии мира. Стратегический контроль над определенными критическими пространствами Средиземноморья и Ближнего Востока определял политическое влияние страны в европейской политике. С конца XVIII в. арабские страны являлись ареной противоборства европейских империй. В площадку межимперского соперничества данный регион превратился, прежде всего, в силу своего стратегического значения, а также по причине значительного прогрессирующего отставания от капиталистической Европы. С конца XVIII и в XIX вв. шел процесс постепенной утраты странами Магриба субъектности и превращения в объекты европейской политики.

Отношение Российской империи к странам Магриба выросло из межимперского соперничества в Европе. Постановка научной задачи анализа политики Российской империи в отношении стран Магриба, несмотря на разницу веса в мировой политике – первая представляла собой ведущего актора, а вторые – оспариваемую окраину слабеющей мусульманской империи, представляется важной по нескольким причинам. Во-первых, в последние десятилетия в мировой науке происходит переосмысление роли империй в мировой истории. Оставшаяся в тени из-за гегемонии национального государства в результате победоносного шествия антиколониальной борьбы и освободительных движений в XX в., империя в начале XXI в. возвращает интерес и симпатии к себе в результате разочарования в национальном государстве. Изучение истории империй вызвано требованиями настоящего времени, ведь им удавалось веками стабильно управлять своими многочисленными народами, поддерживая их разнообразие.

Во-вторых, пересмотру подвергается и Восточный вопрос. Трактующий классически как дипломатические и военные споры великих держав за османское наследство, он рассматривал Османскую империю как пассивный объект, оставшийся за рамками европейской системы, чуждый ей политически и цивилизационно. «Восточный вопрос был европейским вопросом, даже несмотря на то, что он касался упадка Османской империи»¹. В последние десятилетия наука отходит от такой западоцентричной точки зрения на

¹ Schumacher L.R. The Eastern Question as a Europe question: Viewing the ascent of 'Europe' through the lens of Ottoman decline // Journal of European Studies. – 2014. – Vol. 44 (1). – Pp. 64 – 80.

исторический процесс, позволяя формировать более сбалансированный взгляд на Восточный вопрос. Он отличается более широким географическим охватом и составом акторов. В нашем случае в этой роли выступают страны Магриба.

В-третьих, самые существенные подвижки происходят в изучении и трактовке истории Османской империи. Имперская тема долгое время была табу в турецкой науке и обществе и игнорировалась учеными за пределами Турции в значительной степени из-за запретов на доступ к османским архивам того периода. С конца 1990-х гг. в османских исследованиях произошел настоящий имперский переворот, в рамках которого началась публикация целого потока исследований, которые пролили новый свет на османскую историю и деятельность османов как империи. Ученые отказались от старого клише об «упадке» Османской империи, применяя более гибкую терминологию, означающую кризис, адаптацию, трансформацию и просто изменения. Ключевые черты того, что называлось упадком, на самом деле означали попытку модернизировать империю, сделать ее более приспособленной к современному миру.

В-четвертых, большой научный интерес и политическое значение имеет тема взаимоотношений североафриканских провинций и Константинополя. Западная историография вплоть до 2000-х гг. представляла османское правление в Магрибе как источник слабости региона, а последующую колониальную экспансию европейских держав как его результат. В то же время некоторые североафриканские историки говорили о периоде «турецкой колонизации». Эта формула, безусловно, была порождена влиянием движений за национальную независимость, но также имела следствием неявную минимизацию европейской колонизации, пришедшей на смену такому же зависимому османскому периоду. Сами Алжир, Тунис и Триполи оставались в значительной степени в стороне от большинства исторических анализов, которые представляли их в качестве неадаптивных жертв распада Османской империи во время появления в регионе новых имперских акторов. На самом деле страны Магриба сыграли значительную роль в том, как французский, британский, российский и османский имперские центры формулировали политику в отношении региона, и, что еще более важно, как дипломатические агенты, действующие на местах, применяли эту политику.

В-пятых, представляется важным пролить свет на политику Российской империи в отношении стран Магриба, - эта научная проблема до сих пор не получила повесного рассмотрения. А между тем североафриканские провинции играли гораздо более значимую роль в ответе Высокой Порты на военные действия с Российской империей как главным имперским соперником османов в XVIII – начале XX вв. Российская империя, в свою очередь, использовала магрибинский фактор в межимперском соперничестве в рамках Восточного вопроса.

Объектом исследования является политика Российской империи в межимперском соперничестве в рамках Восточного вопроса, а также российско-магрибинские отношения.

Предмет исследования – роль Алжира, Туниса, Триполитании и Марокко в российской стратегии соперничества с европейскими державами в конце XVIII - начале XX веков.

Территориальные рамки исследования охватывают, главным образом, исторический Магриб, то есть то, что понимали под этим термином в XIX в., – страны Северной Африки к западу от Египта: Триполитания, Тунис, Алжир и Марокко. Османский эялет (с 1864 г. вилайет) Триполитания включал Триполитанию, Феццан и значительную часть Киренаики. Вплоть до начала XIX в. Алжир, Тунис и Триполитания являлись провинциями Османской империи, в Европе этот регион был известен как Варвария. Франция колонизировала Алжир в 1830 г., Тунис стал ее протекторатом в 1881 г. Триполитания оставался османской провинцией до 1912 г., до захвата Италией. Султанат Марокко сохранял независимость до 1912 г., после этой даты ему навязали протекторат Франции. В работе затрагиваются Российская и Османская империи, Франция, Великобритания, Австро-Венгрия, Германия и Италия в контексте их противоборства в Магрибе. Освещение некоторых вопросов магрибинской истории XIX в. потребовало упоминания Египта времени правления Мухаммеда Али (1805 – 1848). В диссертационном исследовании используется в качестве названия столицы Османской империи «Константинополь», так как формально город после его захвата османами в 1453 г. и переноса туда столицы империи не переименовывался, а в самой Османской империи использовались оба названия «Константинополь» и «Иstanbul». Но в российской дипломатической переписке конца XVIII - начала XX вв. чаще всего используется название «Константинополь».

Хронологические рамки диссертационного исследования охватывают период с последней четверти XVIII в. до 1917 г. За нижнюю хронологическую границу взята последняя четверть XVIII в., когда вследствие двух успешных войн 1768-1774 и 1787-1791 гг., проведенных Россией в царствование Екатерины Великой против Османской империи, изменилось соотношение сил в мировой политике и Россия получила статус державы первого ранга, встав в один ряд с мировыми лидерами – Великобританией и Францией. Именно тогда возник политический, военный и торговый интерес в России к западному Средиземноморью, к странам Северной Африки. И тогда же Российская империя начала участвовать в межимперском соперничестве в регионе. Верхний хронологический рубеж приходится на 1917 г., когда Российская империя прекратила существование в результате революций.

Цель исследования – проанализировать политику Российской империи в отношении стран Магриба и показать, насколько она мотивировалась межимперским соперничеством. Определить влияние политических событий в

Северной Африке на внешнюю политику России, ее стратегию в отношении владений в Центральной Азии и на Кавказе и на общественное мнение.

Достижение данной цели связано с решением нескольких **задач**, из которых особенно важны:

- проанализировать исторический контекст участия Российской империи в разрешении Восточного вопроса;
- исследовать эволюцию отношения Османской империи к своим североафриканским провинциям;
- выявить исторические предпосылки к возникновению политического интереса России к странам Магриба;
- оценить влияние идеологических аспектов на формирование колониальной стратегии Европы в Магрибе;
- рассмотреть факторы, повлиявшие на позицию России в вопросе колониальных захватов Франции в Магрибе;
- выявить причины восстановления прямого османского правления в Триполи в 1835 г. Рассмотреть реакцию основных соперников за влияние в регентстве Франции и Великобритании;
- сопоставить российский опыт освоения территорий в Центральной Азии и на Кавказе и французские колониальные стратегии;
- оценить влияние Тетуанской войны на межимперское соперничество в Европе. Рассмотреть российскую реакцию на такое развитие событий;
- установить причины, по которым Россия сочла нужным установить дипломатические отношения со странами Магриба;
- определить мотивы Франции при оккупации Туниса в 1881 г. и рассмотреть реакцию российской дипломатии и общественного мнения на установление французского протектората в Тунисе;
- дать оценку российской политике в регионе в период европейского преобладания. Проанализировать курс России в военных и дипломатических конфликтах вокруг Магриба в канун Первой мировой войны.

Научная гипотеза работы. Россия как одна из великих держав принимала участие в разрешении Восточного вопроса, распространявшегося в том числе и на африканские провинции Османской империи – Алжир, Тунис, Триполи и независимый султанат Марокко. Хотя Российская империя не имела собственных империалистических – формальных или неформальных – амбиций в отношении этого далекого от российских границ региона, она принимала участие в решении судьбы этих стран, постепенно превращавшихся в объекты европейской политики. Выработка как общей стратегии страны по Восточному вопросу, так и двусторонних и блоковых отношений в Европе требовали наличия

у России определенной позиции по всем значимым вопросам международной политики в Северной Африке.

Область исследования соответствует паспорту специальности 5.6.7. История международных отношений и внешней политики. Области исследования: п. 3 - Международные отношения и внешняя политика на разных этапах исторического развития; п. 4 - Международные организации и международное сотрудничество; п. 6 - Реконструкция системы международных отношений, их эволюция и сущностные характеристики; п. 7 - Национально-государственные приоритеты во внешней политике и международных отношениях; п. 8 - Война и дипломатия как инструменты внешней политики; п. 9 - Политология международных отношений; п. 10 - Религии и новые идеологии как факторы международных отношений.

Теоретико-методологическая основа исследования

Многообразие исследовательских задач обуславливает применение разнообразных методологических подходов. Один из основных – принцип историзма, его применение происходит с учетом системного подхода, предполагающего, что объект исследования – это система, состоящая из взаимосвязанных элементов. В диссертации использован ряд общих и специальных исторических методов, таких как: историко-генетический метод, предполагающий верификацию событий исторического прошлого и выявление причин рассматриваемых исторических событий; историко-типологический метод, дающий возможность выявить общие и специфические черты развития стран Магриба в османский период; сравнительно-исторический метод, позволяющий исследовать позиции великих держав по отношению к странам Магриба в последней трети XVIII – начале XX вв.

Анализу влияния различных факторов в процессе формирования российской политики в отношении стран Магриба способствовало использование дедуктивного и индуктивного методов. При изложении материала использовался проблемно-хронологический принцип, позволяющий наиболее полно воссоздать последовательность рассматриваемых событий.

Важной составляющей исследовательского процесса явилось также использование комплексного подхода в работе с источниками, сочетающего сравнительно-исторический анализ и применение методов герменевтики. В качестве инструмента интерпретации исторических текстов в диссертации использована теория дискурс-анализа, рассматривающая язык как «механизм, который генерирует и конституирует социальный мир... Изменения в дискурсе – это способ изменения социального мира»². Применительно к историческому

² Йоргенсен М.В., Филлипс Л.Дж. Дискурс-анализ. Теория и метод. – Харьков, Изд. Гуманитарный центр, 2008.

исследованию теория дискурсивных практик применялась с учетом методологии исследования истории идей французского философа М. Фуко³.

Тематика данной диссертационной работы предусматривает обращение не только к историческим, но и политическим, идеологическим и культурным процессам. В работе использовался междисциплинарный подход: в современной науке с расширением круга изучаемой проблематики углубляется и научная специализация, происходит междисциплинарная кооперация и интеграция наук. В методологическом плане для данного исследования это предполагает использование подходов, свойственным политологии и культурологии.

Большую роль в диссертационном исследовании играет геополитический подход, позволяющий поместить историю внешней политики Российской империи в глобальный контекст. Ряд положений и концепций, разработанных российским политологом и философом В.Л. Цымбурским о Российской империи как геополитическом субъекте, нашли применение в данной работе⁴.

Диссертационное исследование также опирается на некоторые теории современных западных политологов, предлагающих собственное осмысление межгосударственных отношений и процессов интенсивной конкуренции между государствами. Согласно тезису американского политолога и историка Ч. Тилли, истоки современного государства лежат в конкурентном насильственном взаимодействии между людьми за богатство и ресурсы⁵. Теория «наступательного реализма» американского политолога Д. Миршаймера утверждает, что государства по-прежнему эгоистичны и агрессивны, и войны между ними неизбежны⁶.

Исследование идеологических аспектов колониальной стратегии европейских империй в Магрибе потребовало обращения в ходе работы над данной диссертацией к трудам как основоположника постколониальных исследований, автора концепции ориентализма Э. Саида, так и к более современным работам как последователей, так и критиков его теории⁷. Ориентализм в определении Саида – это «западный стиль доминирования, реструктурирования и осуществления власти над Востоком»⁸. Однако, узость постколониального дискурса Саида вызвала критику «классических» востоковедов. Так, британский арабист Р. Ирвин в книге «Ради жажды познания: ориенталисты и их враги»⁹ отмечает недостаточность историографической базы «Ориентализма» для столь глобальных и однозначных обобщений. Указывается,

³ Фуко М. Археология знания. – СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия»; Университетская книга, 2004.

⁴ Цымбурский В.Л. Морфология российской геополитики и динамика международных систем XVIII–XX веков. – М.: Книжный мир, 2016.

⁵ Tilly Ch. Coercion, Capital, and European States. AD 990 – 1992. – Cambridge, MA: Blackwell, 1992.

⁶ Mearsheimer J. The Tragedy of Great Power Politics. – New York: Norton, 2001.

⁷ Саид Э.В. Культура и империализм. – СПб, «Владимир Даль», 2012; Саид Э.В. Ориентализм. Западные концепции Востока. – СПб., Русский мир, 2016.

⁸ Саид Э.В. Ориентализм. Западные концепции Востока. – СПб., Русский мир, 2016. – С. 10.

⁹ Irwin R. For Lust of Knowing: The Orientalists and their Enemies. – London: Allen Lane, 2006.

что Саид не рассматривал ни Османскую империю, ни Иран; обошел молчанием выдающиеся достижения немецкого востоковедения и, добавим от себя, русскую школу востоковедения, в основе которой – многовековой опыт взаимодействия с мусульманским миром. В связи с настоящим исследованием представляются важными утверждения современных российских историков В.С. Мирзеханова и М.В. Ковалева о существенном различии в коммуникативных практиках в колониях Французской и Британской империй, с одной стороны, и Российской империи, с другой¹⁰. В труде «Россия и Восток: феноменология взаимодействия и идентификации в новое время» его ответственные редакторы Н.Н. Дьяков и Н.А. Самойлов справедливо указывают: «Идентификация России в ее взаимосвязи и взаимодействии с Востоком — одна из фундаментальных проблем отечественной геополитики и востоковедения нового и новейшего времени»¹¹.

Тема влияния колониальных идеологий на политику европейских империй XVIII – XIX вв. рассматривается в ряде работ американского политолога Д. Питтс¹². Для данного исследования важным представляется вывод ученой, что для европейских империй «проект создания международного порядка долгое время смешивался с проектом европейской консолидации и опирался на европейскую исключительность... Европа мыслила себя как политический архетип для остального мира, как авторитетного арбитра политической легитимности неевропейских государств: моделью будущего и судьей настоящего»¹³.

Корпус **источников** диссертационного исследования сформирован следующими группами материалов:

Документы Архива внешней политики Российской империи Министерства иностранных дел РФ (АВПРИ) по истории российско-алжирских, российско-ливийских, российско-тунисских и российско-марокканских отношений из фондов № 89 «Сношения России с Турцией», № 90 «Константинопольская миссия», № 133 «Канцелярия министра иностранных дел», № 149 «Турецкий стол (старый)» и «Турецкий стол (новый)», № 151 «Политический архив», № 159 «Департамент личного состава и хозяйственных дел» (ДЛСиХД), № 161 «СПб Главный архив», № 180 «Посольство в Константинополе», а также «Отчеты МИД» и «Личный архив Извольского». Для исследований отношений Российской империи с Францией, Германией и Италией в рамках Восточного вопроса использованы документы из фондов №

¹⁰ Мирзеханов В.С., Ковалев М.В. Европейцы и русские в колониях и на имперских окраинах: к вопросу о коммуникативных практиках // Преподаватель XXI век. – 2016. – № 4-2. – С. 417.

¹¹ Россия и Восток: феноменология взаимодействия и идентификации в Новое время. Отв. ред.: Н.Н. Дьяков, Н.А. Самойлов. – СПб.: СПбГУ, Восточный факультет; Изд-во «Студия НП-Принт», 2011. – С. 4.

¹² Pitts J. A turn to Empire: the rise of imperial liberalism in Britain and France. – Princeton University Press, 2005.

¹³ Pitts J. Empire and Legal Universalism in the 18th Century // American Historical Review. – February 2012. – P. 92 – 121.

167 «Посольство в Берлине», № 187 «Российское посольство в Париже», № 190 «Российское посольство в Риме». Большинство использованных в диссертации документов АВПРИ никогда не публиковались и впервые вводятся в научный оборот.

Документы АВПРИ, освещающие становление российского интереса к региону Средиземноморья и к странам Магриба в начале XVIII в., содержатся в фонде «Константинопольская миссия» и «СПб Главный архив». Это донесения российских дипломатов в средиземноморских портах, собиравших сведения о странах Северной Африки и их взаимоотношениях с державами Европы.

Документы из фонда «Сношения России с Турцией» позволяют исследовать период 1770-х гг. – время установления первых российско-алжирских, российско-тунисских, российско-триполийских и российско-марокканских контактов.

Документы, отражающие тему покровительства, которое Россия оказывала православным грекам Северной Африки, можно найти в фондах «Посольство в Константинополе», «Турецкий стол (старый)», «Политархив», «СПб Главный Архив».

Тема захвата Францией Алжира в 1830 г. и российское отношение к этому вопросу отражены в документах, содержащихся в фондах «Посольство в Константинополе» и «Канцелярия министра иностранных дел».

Из фонда «Политархив» привлечены донесения первого российского дипломатического представителя в Марокко В.Р. Бахерахта, содержащие сведения о Тетуанской войне как начальном этапе европейского соперничества за эту страну.

Первой страной Магриба, с которой Российская империя установила дипломатические отношения, стала французская колония Алжир в 1859 г. Причины, побудившие Россию к этому, и процесс открытия консульства раскрываются в документах фондов «СПб Главный архив» и «Российское посольство в Париже».

В 1869 г. Россия установила консульские отношения с Туниским регентством. Причины российского интереса к Тунису и процесс установления отношений отражены в документах фондов «Посольство в Константинополе», «Сношения России с Турцией», «Политархив» и «ДЛСиХД».

Дипломатические документы, относящиеся к процессу установления дипломатических отношений между Российской империей и султанатом Марокко, содержатся в фондах «Политархив», «Канцелярия министра иностранных дел» и «Турецкий стол (новый)».

Документы и материалы об установлении французского протектората в Тунисе в 1881 г., содержащиеся в фонде «Турецкий стол (старый)».

Отдельный блок документов АВПРИ, использованных в диссертации, освещает морские контакты России и французских колоний в Северной Африке в рамках русско-французского союза. В фондах «СПб Главный Архив» и «ДЛСиХД» содержится информация о многочисленных визитах российских судов в порты Туниса, о планах и ходе строительства французского военного порта в Бизерте.

Позицию Российской империи в вопросе итало-турецкой войны за Триполи раскрывают документы из фондов «Посольство в Константинополе» и «Политархив».

Оценить позицию дипломатии Российской империи в марокканских кризисах позволяет исследование документов из фондов «Политархив», «Посольство в Берлине», «Канцелярия министра иностранных дел». Документы, характеризующие российско-французское взаимодействие в годы кризисов, содержатся в фонде «Канцелярия министра иностранных дел».

Опубликованные сборники архивных документов. В работе использованы документы российских и зарубежных архивов, полученные из опубликованных сборников.

Особую ценность представляют собрания дипломатических документов французских архивов XVIII – XIX вв. историков А. Руссо и Е. Плантаэ, в которых собрана дипломатическая переписка французских консулов в Алжире и Тунисе¹⁴. Российский сборник «Договоры России с Востоком политические и торговые», составителем которого является Т. Юзефович¹⁵, содержит договоры России с Османской империей с начала 1700-х гг., в том числе и важные для данного исследования Кючук-Кайнарджийский и Ункар-Искелесийский договоры. В первые годы советского периода были опубликованы сборники документов по российско-французским отношениям и материалы об участии Российской империи в Алжезирасской конференции¹⁶. Для исследования российской политики в вопросе захвата Алжира Францией в 1830 г. привлечены документы, опубликованные в сборнике «Внешняя политика России XIX и начала XX века»¹⁷. Работа над Главой IV данной диссертации также потребовала привлечения документов из сборников «Международные отношения в эпоху империализма»¹⁸. Там же использованы документы из французского и

¹⁴ Plantet E. Correspondance des deys d'Alger avec la cour de France 1579 — 1833. T. 2. (1700-1833). — Paris, 1889; Plantet E. Correspondance des beys de Tunis et Consuls de France avec la cour (1577-1830). 3 vol. — Paris, Félix Alcan, 1893-1899; Rousseau A. Annales tunisiennes, ou aperçu historique de la Régence de Tunis. — Tunis, Bouslama, 1985.

¹⁵ Юзефович Т. Договоры России с Востоком политические и торговые. — СПб., 1869.

¹⁶ Материалы по истории франко-русских отношений за 1910 — 1914 гг. М., 1922; Россия и Алжезирасская конференция // Красный архив. — 1930. — № 4-5 (41-44). — С. 3-58.

¹⁷ Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы российского министерства иностранных дел. 1815-1830. — Т. 1 (9). — М., 1974.

¹⁸ Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и временного правительств. 1878 — 1917. — Серия 2. — Том 18. — Часть 1; Часть 2; — Том 19. — Часть 1; Часть 2. — М., 1938 — 1940.

английского сборников, содержащие дипломатические документы соответствующего периода, хранящиеся в архивах Великобритании и Франции¹⁹. Освещая вопросы российско-марокканских и российско-тунисских отношений, автор использовал два сборника документов, опубликованных Институтом Африки РАН²⁰.

Работы историков и публицистов XIX и начала XX века. Источники на русском языке включают ряд общих работ по Восточному вопросу, изданные историками и дипломатами Российской империи²¹. В качестве основного источника по российско-магрибинским контактам того времени выступают два труда «первого русского африканиста» М.Г. Коковцова²². Для характеристики военно-морской средиземноморской политики Российской империи необходимо было обратиться к работам по истории российского флота²³.

В данной работе использованы многочисленные исследования российских авторов XIX в., посвященные Алжиру. Спецификой этих трудов является то, что их авторы, как правило, являлись кадровыми военными, направлявшимися в регион по заданию Генерального штаба России. Это книги и очерки В.М. Аничкова, А.И. Беренса, М.Н. Богдановича, А.Н. Куропаткина, А.И. Макшеева

¹⁹ British documents on the origins of the war 1898-1914. Vol. 7: The Agadir crisis. – London, 1932; Documents diplomatiques. 1912: Affaires du Maroc 6: 1910-1912. – Paris, Imprimerie Nationale, 1912.

²⁰ Россия и Тунис. Из истории отношений 1780 – 1917 гг. Архивные документы и свидетельства современников. Составитель Жерлицына Н.А. – М., ИАФр, 2008; Россия – Марокко: история связей двух стран в документах и материалах. (1777-1916). Составитель Подгорнова Н.П. – М., ИАФр, 1999.

²¹ Баженов И.Р. Наша внешняя политика на Ближнем Востоке с национальной точки зрения. – СПб., Типография В.Д. Смирнова, 1914; Гирс А.А. Россия и Ближний Восток. – СПб., типография А.С. Суворина, 1906; Горяинов С.М. Босфор и Дарданеллы. – СПб., типография И.Н. Скороходова, 1905; Жигарев С.А. Русская политика в Восточном вопросе, ее история в XVII-XIX веках. Критическая оценка и будущие задачи. – СПб, Университетская типография, 1896; Теплов В.А. Русские представители в Царьграде. 1496 – 1891. – СПб., типография А.С. Суворина, 1891; Уляницкий В. Русские консульства за границей в XVIII в. Ч. 2. – М., 1889; Базили К.М. Архипелаг и Греция в 1830 и 1831 годах. Ч. 1 – 2. – СПб., тип. Н. Греча, 1834.

²² Коковцов М.Г. Описание Архипелага и Варварийского берега, изъясняющее положение островов, городов, крепостей, пристаней, подводных камней и мелей; число жителей, веру, обряды и нравы их с присовокуплением древней истории, с тремя чертежами. – СПб., 1786;

Коковцов М.Г. Достоверные известия о Альжире, о нравах и обычаях тамошнего народа, о состоянии правительства и областных доходов; о положении Варварийских берегов; о произрастениях и о прочем; с верным чертежом. Сочинение Российскаго Офицера все то на месте обозревшего. – СПб., 1787.

²³ Адмирал Ушаков. Документы. Под ред. Р.Н. Мордвинова. – Т. 2. – М., 1952; Богданович Е.В. Наварин. – М., 1877.

и Э.И. Эйхвальда²⁴. Важным источником по истории колониального Алжира начала XX в. являются очерки российского консула Г.Л. Томашевского²⁵.

Анализ российской политики в отношении регентства Тунис, а с 1881 г. и протектората Франции, потребовал обращения к работам известных российских военных – востоковеда Л.Ф. Костенко и географа М.И. Венюкова²⁶. Записки российского путешественника Э.Р. Циммермана использованы при работе над темой российского отношения к строительству в Тунисе французской военной базы в Бизерте²⁷.

Как источники по вопросу итало-турецкой войны за Триполи в данной работе использованы труды А.А. Башмакова, В. фон Дрейера и другие брошюры и журнальные публикации 1910-х гг.²⁸.

Источники на английском и французском языках являются крайне важными для данного исследования, так как именно между Францией и Великобританией разворачивалось основное соперничество за преобладание в регионе на протяжении всего исследуемого периода. Франция, строившая в течение XIX в. свою колониальную империю именно в Северной Африке, имеет особенно богатую библиографию трудов по Магрибу. Труды французских историков Дарси, Мерсье и Тардьё, хотя и не свободны от некоторой доли тенденциозности – Франции приходилось доказывать свое право на обладание Северной Африкой не только оружием, но и словом – но содержат уникальный исторический материал, ценный в том числе и для российской истории²⁹.

²⁴ Аничков В.М. Очерки Алжирии (Из записок русского офицера) // Современник. – 1857, № 11. – С. 1-24; Беренс А.И. Кабилия в 1857 // Военный сборник. – СПб., 1858. – № 3 – 6; Богданович М.Н. Алжирия в новейшее время. – СПб., Типография военно-учебных заведений, 1849; Куропаткин А.Н. Алжирия. – Санкт-Петербург, тип. В.А. Полетики, 1877; Макшеев А.И. Очерк современного состояния Алжирии // Вестник Российского Императорского географического общества. – 1860. – Ч. 28. – Кн. 3. – Отд. 5. – С.13-50; Эйхвальд Э.И. Отрывки из путешествия в Алжир в 1847 г. // Вестник Российского Императорского географического общества. – 1851. – Ч.2. – Кн.3. – Отд. 7. – С. 1-84.

²⁵ Томашевский Г.Л. Мусульманские братства в Алжирии. Сборник консульских донесений. Выпуск 2. – СПб., 1907; Томашевский Г.Л. Очерк колонизации Алжирии. Сборник консульских донесений. – СПб., 1909. – С. 5 – 22; Томашевский Г.Л. Экономический очерк Алжирии. Сборник консульских донесений. – СПб., 1908. – С. 4-21; Томашевский Г.Л. Экономическое положение Алжирской колонии в 1904 г. Сборник консульских донесений. – СПб., 1905. – С. 169 - 194.

²⁶ Венюков М.И. Современная Тунисия. // Русская мысль. – М., 1893. – № 4 – 5; Костенко Л.Ф. Путешествие в Северную Африку. – СПб., 1876.

²⁷ Циммерман Э.Р. По Северным окраинам Африки. Путевые очерки. Тунисия и Алжирия. // Вестник Европы. – СПб., 1899. – № 9.

²⁸ Башмаков А.А. Триполитания и Киренаика. – Типография Министерства внутренних дел, 1912; Беспомощность Турции и затруднения Италии // Нива. – 1911. – № 43; Война Италии с Турцией. – СПб, типография гр. Скачкова, 1912; Дрейер В. фон. Итало-Турецкая война (Из записок корреспондента) // Военный сборник. – СПб., 1912. – № 3. – С. 97 – 110; № 4. – С. 125 – 134.

²⁹ Darcy J. France et Angleterre. Cent annees de rivalite coloniale. – Paris, Perrin, 1904; Mercier E. Histoire de l’Afrique Septentrionale (Berberie). Т. 3. – Paris, Ernest Leroux, 1891; Tardieu A. France and the alliances. The struggle for the balance of power. – New York: The Macmillan company, 1908.

Многочисленны франкоязычные источники по периоду французского захвата Алжира в 1830 г.³⁰. История формирования французской колониальной стратегии в отношении Алжира – тема работ Ж. Ладре де Лашарьера и А. Токвиля³¹. Борьба алжирского народа против французского завоевания и османская реакция на него рассматриваются в трудах Ж. Серрэ и Г. Ивера³².

Первоклассными источниками по истории Марокко в последней трети XVIII – XIX вв. являются собрания документов под редакцией де Кастри и Халида бен-Шрира³³. М.А. Филья посвятил свою работу истории Тетуанской войны³⁴.

Французские историки XIX в. уделяли пристальное внимание и соседям Алжирской колонии – Тунису и Триполи. Книги Г. Шарма и Ж. Дюнана посвящены истории регентств³⁵.

История регентства Триполи, остававшегося османской провинцией на протяжении всего XIX в., также была объектом изучения французских специалистов. Подробнейшая «История Караманлы» Р. Вадала до сих пор является непревзойденным источником по истории Триполи и Магриба XVII – первой трети XIX вв.³⁶.

Англоязычные источники по истории Магриба XIX в. отражают специфику британского проникновения на Африканский континент³⁷. Особый интерес для данного исследования представляет книга Р. Гринхау «История и нынешнее состояние Триполи: с некоторыми замечаниями о других варварских государствах»³⁸. Великолепным источником по истории Триполи и Магриба в

³⁰ De Voulx A. A la guerre de l'indépendance grecque. Lettre adressée au Pacha d'Alger. Recherches sur la coopération de la régence d'Alger // *Revue africaine*. – 1857. – № 2; Vayssettes E. L'histoire de Constantine sous la domination turque // *Recueil des notices et mémoires de la société archéologique de la province de Constantine*. – Constantine, Alger, 1869. – Vol. XIII. – Pp. 453- 621; Julien A. La question D'Alger devant les chambres sous la restauration // *Revue Africaine*. – 1922. – № 312-313. – P. 425 – 489.

³¹ Ladreit de Lacharrière J. Un essai de pénétration pacifique en Algérie. Les négociations du général Glauzel avec le Bey de Tunis (1830-1831) // *Revue d'histoire diplomatique*. – Paris, 1909. – № 1. – Pp. 241- 468; Tocqueville A. Deuxième Lettre sur l'Algérie. – Paris, 1837.

³² Serres J. La politique Turque en Afrique du Nord sous la monarchie de Juillet. – Paris, 1925. – P. 257; Yver G. Abd el Kader et le Maroc en 1838 // *Revue Africaine*. – 1919. – № 298. – P. 93-111.

³³ Khalid Ben-Srhir. Prelude to the Tetouan war (1859). Correspondence Respecting the Spanish Moroccan Conflict about Ceuta Frontier // *Hesperis-Tamuda*. – 2013. – Vol. XLVIII. – Pp. 145-313; Khalid Ben-Srhir. Prelude to the Tetouan war (1859). Correspondence respecting the Spanish Moroccan conflict about Melilla Frontier // *Hespéris-Tamuda*. – 2011. – Vol. XLVI.; Les sources inédites de l'histoire du Maroc. Ed. par H. de Castries. T. 3. – Paris, Edition Ernest Leroux, 1918.

³⁴ Fillias M.A. L'Espagne et Le Maroc en 1860. – Paris, 1860.

³⁵ Charmes G. La Tunisie et la Tripolitaine. – Paris, Calmann Levy, 1883; Dunant J.H. Notice sur la régence de Tunis. – Genève, 1858.

³⁶ Vadala R. L'Histoire des Karamanlis. // *Revue de l'histoire des colonies françaises*. – 1919. – № 2.

³⁷ Beechey F. W. Proceedings of the expedition to explore the northern coast of Africa. The greater Syrtis and Cyrenaica. – London, John Murray, 1827; Richardson J. Travels in the Great Desert of Sahara. Vol. 1. – London, 1848.

³⁸ Greenhow R. The History and present condition of Tripoli: With Some Accounts of the Other Barbary States. – London: T.W. White, Richmond, 1835.

целом является книга писем мисс Талли – сестры или невестки (по разным данным) английского консула в этом регентстве в 1783 – 1795 гг.³⁹.

Источники на арабском языке, использованные в данном диссертационном исследовании, представляют собой труды знаменитых тунисского и марокканского хронистов XIX в. Ибн Аби ль-Дияфа и Абу аль-Аббас Ахмад ибн Халид аль-Насири⁴⁰. Кроме того, для характеристики ситуации в Тунисском регентстве в преддверии установления французского протектората, использован труд известного тунисского реформатора Мухаммеда Байрама V⁴¹.

Специфика данной диссертационной работы потребовала привлечения к анализу **мемуарной литературы**. Она представлена опубликованными воспоминаниями российских, европейских, турецких и арабских государственных деятелей и дипломатов, определявших политику своих стран в изучаемый период. Мемуары министра иностранных дел Российской империи С.Д. Сазонова и дипломатов Н.П. Игнатьева, Ю.С. Карцова, Ю.Я. Соловьева и Н.В. Чарыкова⁴² использованы при работе над разделами о российской политике в марокканских кризисах и итало-турецкой войне. Воспоминания А.Ф. Тютчевой, дочери поэта Тютчева и жены И.С. Аксакова, одного из лидеров славянофильского движения, важны для характеристики межимперского соперничества, наблюдаемого глазами современницы событий⁴³. Мемуары первого канцлера объединенной Германской империи О. фон Бисмарка, председателя совета министров Италии Ф. Криспи, президента Франции Р. Пуанкаре и премьер-министра Великобритании У. Черчилля помогли в анализе важнейших вопросов международной политики в Европе в исследуемый период⁴⁴. В параграфе, посвященном исследованию российской позиции в вопросе итало-турецкой войны, использованы воспоминания Энвера-паши, военного министра Османской империи, участника и организатора

³⁹ Miss Tully. Letters written during a ten years' residence at the Court of Tripoli, 1783 – 1795. – Hardinge Simploe, United Kingdom, 2009.

⁴⁰ Абу аль-Аббас Ахмад ибн Халид аль-Насири аль-Салави. Китаб аль-Истикса ли Дувваль аль-Магриб аль-Акса [Книга изучения сведений о династиях Дальнего Магриба]. Т. 9. Paris, Ernest Leroux, 1906; Ибн Аби ль-Дияф. Итхаф Агль аль-Заман биль-Акбар Мулюк Тунис ва Агд аль-Аман [Знакомство современников с историей правителей Туниса и Фундаментальным пактом]. 8 vol. Vol. VII. Tunis: Publications du Ministère de la Culture, 1963–1966.

⁴¹ Мухаммад Байрам аль-Хамис. Сафват аль-Итибар би-Муставда аль-Амсар ва-ль-Актар [Наиболее примечательные стороны городов и стран]. 5 Vol. Cairo: Media press in Egypt, 1884.

⁴² Сазонов С.Д. Воспоминания. – Париж. 1927; Игнатьев Н.П. Поездка графа Н.П. Игнатьева по европейским столицам перед войной 1877 - 1878 гг. // Русская старина. – 1914. – Т. 157 – 159.; Карцов Ю.С. Семь лет на Ближнем Востоке. Воспоминания политические и личные. 1879 – 1886. – СПб., Экономическая Типо-литография, 1906; Соловьев Ю.Я. Воспоминания дипломата. 1893-1922. – М.: Издательство социально-экономической литературы, 1959; Tcharykow N.V. Glimpses of High Politics. – London, 1931.

⁴³ Тютчева А.Ф. При дворе двух императоров. – М.: Захаров, 2008.

⁴⁴ Бисмарк О. Мысли и воспоминания. 3 Т. – М., ОГИЗ, Государственное социально-экономическое издательство, 1940; Churchill W.S. The World Crisis 1911-1918. Volume I. –London, Odhams Press, 1938; Memoirs of Francesco Crispi. – Hodder and Stoughton, London, 1912; Poincaré R. The Memoirs of Raymond Poincaré, Volume I: 1912. – London, William Heinemann, 1926.

сопротивления в Триполи итальянскому захвату⁴⁵. Мемуары Хайрадина-паши, премьер-министра Туниса в годы, предшествующие французской оккупации, позволяют оценить политику властей регентства по предотвращению потери независимости и позицию Османской империи в данном вопросе⁴⁶.

Публикации в дореволюционных журналах являются важным источником для данного диссертационного исследования. Публикации, посвященные странам Северной Африки, появившись в российских журналах уже в первом десятилетии XIX в., с каждым последующим десятилетием только возрастали в числе и качестве. Начиная с 1840-х гг. в большинстве крупных российских журналов, таких как «Военный сборник», «Дело», «Отечественные записки», «Современник», «Русское слово», «Вестник Российского Императорского географического общества» начинают появляться публикации, посвященные французской оккупации Алжира. Все крупные конфликты с участием европейских держав в Северной Африке получали освещение в российских журналах⁴⁷.

Напряженность межимперского соперничества в первом десятилетии XX в. отражалась в публикациях российских журналов⁴⁸. Начало, ход и последствия итало-турецкой войны за Триполи освещались в российских журналах «Нива» и «Военный сборник»⁴⁹.

В работе над параграфом о восстановлении османского сюзеренитета над Триполи использована французская газета «Moniteur Universel», а к исследованию ситуации в Алжирской колонии привлечены материалы из французской газеты, издававшейся в Алжире «Dépêche Algérienne»⁵⁰.

Историография проблемы представлена трудами на русском, французском, английском и арабском языках.

Исследования на русском языке. Интерес в России к странам Магриба возник в рамках Восточного вопроса, изучение которого шло параллельно с его разрешением в XIX в. В первых десятилетиях XX в. продолжали выходить работы, посвященные этой теме, особенно актуальна была тема борьбы России за Черноморские проливы⁵¹. Процесс изучения не был прерван и с крушением Российской империи в 1917 г. и завершением Восточного вопроса в его

⁴⁵ Enver Pasa. Um Tripolis. – Munchen, Hugo Bruckmann, 1918.

⁴⁶ Kheredine. Homme d'état. Mémoires. – Tunis, 1971.

⁴⁷ Венюков М.И. Современная Тунисия. // Русская мысль. – М., 1893. – № 4 – 5; Реванш Гамбетты // Дело. – 1881. – № 6; Циммерман Э.Р. По Северным окраинам Африки. Путевые очерки. Тунисия и Алжирия. // Вестник Европы. – СПб., 1899. – № 9; Эпилог тунисской экспедиции // Дело. – 1881. – № 7. – С. 93 – 100.

⁴⁸ Камаровский Л. Англо-французское соглашение по колониальным вопросам // Русская мысль. – 1905. – № 9 – С. 192 – 203.

⁴⁹ Беспомощность Турции и затруднения Италии // Нива. – 1911. – № 43; В.Н. Обзор морских операций итало-турецкой войны // Морской сборник. – 1912. – № 8. – С. 53 – 87; Дрейер В. фон. Итало-Турецкая война (Из записок корреспондента) // Военный сборник. – СПб., 1912. – № 3. – С. 97 – 110.

⁵⁰ Dépêche Algérienne. – 9 octobre 1908. – № 8473; Moniteur Universel. – Paris, 05.06.1835. – № 3.

⁵¹ Циммерман М.А. Босфор и Дарданеллы. – СПб.: Н.К. Мартынов, 1912; Каптерев Н.Ф. Характер отношений России к православному Востоку в XVI и XVII столетиях. – Сергиев Посад, 1914.

классическом виде. Советская школа востоковедения, несмотря на существовавшие идеологические рамки, развила и преумножила достижения предшественников. Изучение восточной политики России пошло по нескольким направлениям, возникли отдельные специализации. В середине XX в. выдающимися советскими историками были созданы труды, создавшие базис современной арабистики и истории российско-арабских связей. Это работы Б.М. Данцига, Н.А. Иванова, В.Б. Луцкого и Е.В. Тарле⁵². В 1961 г. на русском языке вышла книга известного французского историка Северной Африки Ш.А. Жюльена, ставшая настольной книгой для многих поколений историков-арабистов⁵³.

В изучение роли Восточного вопроса в политике Российской империи существенный вклад внесла книга под редакцией Н.С. Киняпиной «Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII – начало XX вв.»⁵⁴. В современных исследованиях продолжается анализ различных аспектов этой темы. Исследование средиземноморской политики Российской империи, начавшееся в работах Е.В. Тарле, было подхвачено другими советскими⁵⁵, а затем и современными российскими учеными⁵⁶.

Последние двадцать лет отмечается существенный рост интереса к дореволюционному этапу истории России в рамках так называемых «имперских исследований» (imperial studies). Направление активно развивается как за рубежом, так и в России. Существенный вклад в его становление внесли работы под редакцией А.И. Миллера, монографии И.С. Рыбаченок, статьи В.С. Мирзеханова⁵⁷.

Российские ученые уделяют внимание не только самой Российской империи, но и изучают других акторов Восточного вопроса. В российской науке хорошо исследована Османская империя, являвшаяся причиной соперничества

⁵² Данциг Б.М. Ближний Восток в русской науке и литературе. – М., 1973; Иванов Н.А. Османское завоевание арабских стран. 1516 – 1574. – М. Наука, 1984; Луцкий В.Б. Новая история арабских стран. – М., 1965; Тарле Е.В. Очерки истории колониальной политики западноевропейских государств (конец XV – начало XIX вв.). – М.-Л., 1965; Тарле Е.В. Русский флот и внешняя политика Петра I. – М.: Военное изд-во Министерства вооруженных сил СССР, 1949; Тарле Е.В. Чесменский бой и первая русская экспедиция в Архипелаг (1769 - 1774) // Тарле Е. В. Сочинения. – М., Издательство АН СССР, 1959. – Т. 10.

⁵³ Жюльен Ш.А. История Северной Африки. В 2 Т. – М., 1961.

⁵⁴ Киняпина Н.С. Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII – начало XX вв. – М., Наука, 1978.

⁵⁵ Снегирев В.Л. Русский флот в Средиземном море (1798 – 1800). – М., 1944.

⁵⁶ Смилянская И.М., Велижев М.Б., Смилянская Е.Б. Россия в Средиземноморье. Архипелагская экспедиция Екатерины Великой. Под общей редакцией Е.Б. Смилянской. – М.: «Индрик», 2011. – С. 10.

⁵⁷ Российская империя в сравнительной перспективе. Сборник статей под ред. А.И. Миллера. – М.: Новое издательство, 2004; Рыбаченок И.С. От царства к империи. Россия в системах международных отношений. Вторая половина XVI - начало XX века. – М.- СПб., Институт российской истории РАН; Центр гуманитарных инициатив, 2015; Мирзеханов В.С. 1815 г. в истории: европейская система и европейская идентичность между кризисами и равновесием в эпоху модерна // Электронный научно-образовательный журнал "История". – 2019. – № 11 (85).

европейских держав. Еще в 1980-х гг. вышел труд Н.А. Дулиной «Османская империя в международных отношениях», в 1990-х известный историк Османской империи В.И. Шеремет выпустил серию книг по истории российско-османского противостояния в XIX - начале XX вв.⁵⁸. Современные арабисты в своих исследованиях продолжают изучать османское имперское наследие и его влияние на современный мусульманский мир. Пример такого рода работ – статьи С.А. Кириллиной, А.Л. Сафроновой и В.В. Орлова⁵⁹.

В «имперских исследованиях» выделяется важное направление – работы, изучающие опыт межимперских обменов. Применительно к данному исследованию, особый интерес представляют работы В.О. Бобровникова, посвященные сравнению российского опыта на Кавказе и французского в Алжире⁶⁰; В.С. Мирзеханова и М.В. Ковалева, сопоставляющие колониальный опыт России и европейских стран⁶¹.

История российско-арабских связей всегда являлась востребованной темой в исследованиях российских ученых, библиография этой темы представлена как общими, так и специализированными работами. Концептуальная модель взаимоотношений России со странами Ближнего Востока описана в фундаментальном труде известного арабиста А.М. Васильева⁶². Труды В.В. Наумкина, Н.Н. Дьякова и Н.А. Самойлова вносят существенный вклад как в теорию, так и практическое изучение российско-арабских связей⁶³. В.В. Беляков

⁵⁸ Дулина Н.А. Османская империя в международных отношениях (30 – 40-е годы XIX века). – М., 1980; Шеремет В.И. Война и бизнес. Власть, деньги и оружие. Европа и Ближний Восток в новое время. – М., «Технологическая школа бизнеса», 1996; Шеремет В.И. Империя в огне. Сто лет войн и реформ Ближневосточной Порты на Балканах и Ближнем Востоке. – М., АВИАР, 1994.

⁵⁹ Кириллина С. А., Сафронова А. Л., Орлов В. В. Идея халифата в мусульманском мире (конец XIX — начало XX в.): вызовы и региональные отклики // Ислам в современном мире. – 2018. – № 3. – С. 133–15; Кириллина С.А., Сафронова А.Л., Орлов В.В. «Имперский синдром»: концепция османского халифата на Ближнем Востоке и в Южной Азии (первая четверть XX в.) // Исторический вестник. – 2019. – Т. 29. – С. 216-239; Кириллина С.А., Сафронова А.Л., Орлов В.В. Халифатизм в панисламском идейном наследии: трансрегиональное измерение // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. – 2020. – № 2. – С. 85-95.

⁶⁰ Бобровников В.О. К истории (меж)имперских трансферов XIX – XX вв.: инородцы/туземцы Кавказа и Алжира // Азиатская Россия: люди и структуры империи. Сборник научных трудов. – ОмГУ, Омск, 2016; Бобровников В.О. Ориентализм в науке и политике на Северном Кавказе // Азиатская Россия. Люди и структуры империи. – ОмГУ, Омск. 2005.

⁶¹ Мирзеханов В.С., Ковалев М.В. Европейцы и русские в колониях и на имперских окраинах: к вопросу о коммуникативных практиках // Преподаватель XXI век. – 2016. – № 4-2. – С. 417-427.

⁶² Васильев А.М. Россия на Ближнем и Среднем Востоке. От Ленина до Путина. – М., Центрполиграф, 2018.

⁶³ Наумкин В.В. Арабский мир, ислам и Россия: прошлое и настоящее. Избранные главы, статьи, лекции, доклады. – М., 2013; Россия и Восток: феноменология взаимодействия и идентификации в Новое время. Отв. ред.: Н.Н. Дьяков, Н.А. Самойлов. – СПб.: СПбГУ, Изд-во «Студия НП-Принт», 2011.

сборником «Египет глазами россиян XV—XVIII веков» сумел ликвидировать еще одно белое пятно в отечественной арабистике⁶⁴.

Каждая из стран Магриба – Алжир, Марокко, Тунис и Триполи – является отдельным предметом изучения российской арабистики. Крупнейшим специалистом по истории Алжира и автором большого числа публикаций по данной теме являлся Р.Г. Ланда. Его книги создали прочный фундамент как в изучении Магриба в целом, так и отдельных аспектов алжирской истории⁶⁵. Для данного исследования особый интерес представляет статья советского исследователя Г.А. Нерсесова «Алжир в 1881 – 1882 гг. (по письмам русского журналиста)»⁶⁶. Современные российские ученые продолжают анализировать различные аспекты истории Алжира⁶⁷.

Традиционно много внимания российская наука уделяет и истории Марокко. В советский период были опубликованы исследования Данцига по начальному периоду двусторонних связей России и султаната⁶⁸. Целая плеяда талантливых ученых изучала марокканские кризисы и их влияние на политику России. Это Ю. Ратиани, Н.П. Руткевич и Л.А. Нейман⁶⁹. основополагающим трудом по истории связей России и Марокко является монография Т.Л. Мусатовой «Россия – Марокко: далекое и близкое прошлое», написанная на основе архивных документов⁷⁰. Уже в современный период созданы не менее значительные труды по Марокко. Так, тема российско-марокканских отношений раскрывается в работах известного историка Магриба, представителя петербургской школы, Н.Н. Дьякова⁷¹. История Марокко в доколониальный и колониальный периоды,

⁶⁴ Беляков В.В. Египет глазами россиян XV—XVIII веков. – М., ИВ РАН, 2013.

⁶⁵ Ланда Р.Г. Борьба алжирского народа против европейской колонизации (1830 – 1918). – М., Наука, 1976; Ланда Р.Г. Мусульманский мир и Первая мировая война // Восток (Oriens). – 2004. – № 1. – С. 57-72.

⁶⁶ Нерсесов Г.А. Алжир в 1881 – 1882 гг. (по письмам русского журналиста) // Советская этнография. – 1961. – № 5. – С. 140 – 145.

⁶⁷ Прусская Е.А. Тридцать лет спустя: опыт Египетского похода 1798-1801 гг. и французское вторжение в Алжир 1830 г. // Французский ежегодник. – 2017. – С. 94 – 112; Танышина Н.П. Средиземноморская политика Июльской монархии // Французский ежегодник. – 2017. – С. 162 – 187.

⁶⁸ Данциг Б.Г. Забытая страница из истории русско-марокканских отношений в последней четверти XVIII в. // Проблемы востоковедения. – 1959. – № 1. – С. 87 - 93.

⁶⁹ Нейман Л.А. Франко-русские отношения во время марокканского кризиса 1911 г. // Французский ежегодник. – 1969. – С. 65 – 91; Ратиани Ю. Агадирский кризис и позиция России // Военно-исторический журнал. – 1939. – № 2. – С. 43 – 57; Руткевич Н.П. Марокканские конфликты и Россия / Ученые записки Свердловского государственного педагогического института. – 1939. – Вып. 2. – С. 15-75.

⁷⁰ Мусатова Т.Л. Россия – Марокко: далекое и близкое прошлое. – М., Наука, 1990.

⁷¹ Дьяков Н.Н. Магриб – Машрик – Россия. – Издательство СПбГУ, 2014; Дьяков Н.Н. Марокко. История, культура, религия. – СПб., 1993; Дьяков Н.Н. Россия и страны арабского Магриба (Алжир, Тунис, Марокко) // Россия и Восток. – Издание Санкт-Петербургского университета, 2000.

взаимоотношения властей и религиозных элит в султанате – темы исследований в трудах видного представителя МГУ В.В. Орлова⁷².

Тунисские исследования в российской арабистике получили весомую основу с публикацией монографии Н.А. Иванова «Кризис французского протектората в Тунисе (1918 – 1939)»⁷³. Исследования Г.А. Нерсесова внесли существенный вклад в изучение вопроса отношения России к захвату Туниса Францией в 1881 г.⁷⁴. Труды известного специалиста по истории Туниса М.Ф. Видясовой во многом определили лицо российского «тунисеведения» последних лет⁷⁵. Тема российско-тунисских отношений получила развитие в работах Н.А. Жерлицыной, основанных на архивных документах⁷⁶.

Историография по истории Ливии в отечественной науке представлена обобщающими работами Н.И. Прошина и коллективной монографией «История Ливии в новое и новейшее время»⁷⁷. Первопроходцем по части изучения политики Российской империи во время итало-турецкой войны 1911-1912 гг. была советская исследовательница 1950-х гг. В.И. Киселева⁷⁸. Не менее ценны для данного исследования статьи М.Г. Оруджева⁷⁹.

Исследования на английском и французском языках можно подразделить на несколько тематических блоков. Первый из них – это уже упоминавшиеся выше «имперские исследования». Зарубежная историография этой темы включает как общие, теоретические работы, так и специализирующиеся на отдельных империях, а также сравнительные исследования империй. Капитальный труд Д. Бербанк и Ф. Купера «Империи в мировой истории» содержит сравнительный анализ европейских, азиатских империй в соответствии с критериями управления, форм экспансии и взаимодействия с

⁷² Орлов В.В. Марокканские элиты и российско-османский конфликт. Проблема восприятия // Взматриваясь друг в друга. – М. 2013; Орлов В.В. Марокко и российский Военно-морской флот: три века контактов // Труды Института востоковедения РАН. – 2017. – № 5. – С. 112-121; Орлов В.В. Развертывание французской военной миссии в Марокко (XIX в.) // Французский ежегодник. – 2017. – С. 230 – 250.

⁷³ Иванов Н.А. Кризис французского протектората в Тунисе (1918 – 1939). – М., Наука, 1971.

⁷⁴ Нерсесов Г.А. К истории французского вторжения в Тунис в 1881 г. // Африканский сборник. – М., 1963; Нерсесов Г.А. Процесс Рошфора и причины захвата Туниса Францией в освещении русской печати. // Вестник истории мировой культуры. – М., 1961. – № 6. – С.123-136.

⁷⁵ Видясова М.Ф., Каздагли Н. Представления тунисцев о России и образ Туниса в глазах россиян // Взматриваясь друг в друга. Россия и арабский мир: взаимное восприятие. – М., ИВ РАН, – 2013.

⁷⁶ Жерлицына Н.А. Российско-тунисские отношения. 1780 – 1991. М., 2014. ИАФР РАН; Жерлицына Н.А. Участие Туниса в русско-турецких войнах // Военно-исторический журнал. – 2015. – № 3. – С. 52 – 56.

⁷⁷ История Ливии в новое и новейшее время. – М., Главная редакция восточной литературы. 1992; Прошин Н.И. История Ливии в новое и новейшее время. – М., 1981.

⁷⁸ Киселева В.И. Русско-турецкие переговоры об открытии проливов в 1911 году // Труды Московского государственного историко-архивного института. Т. 12. – М., 1958. – С. 166 – 207; Киселева В.И. Дипломатическая подготовка Уши-Лозаннского мира 1912 г. // Труды Московского государственного историко-архивного института. – 1958. – Т. 12. – С. 39 – 78.

⁷⁹ Оруджев М.Г. Переход великих держав к непосредственному вмешательству в итало-турецкую войну. Ученые записки. Азербайджанский государственный университет. Серия история и философия. – 1973. – № 3.

покоренными народами⁸⁰. В монографии А. Рибера «Борьба за евразийские границы: от возникновения империй раннего Нового времени до окончания Первой мировой войны» рассматривается борьба империй за спорные пограничные зоны⁸¹. Если в монографии Ч. Тилли исследуется взаимосвязь европейского государственного строительства с милитаризацией, то труд Д. Дайнера подходит к истории XX в., интерпретируя превращение многонациональных империй в национальные государства как катастрофическое по своим последствиям⁸².

Для данного исследования полезными оказались работы, посвященные исследованию борьбы европейских держав, как военными, так и дипломатическими средствами, в конце XVIII - начале XIX в., в период Наполеоновских войн и Венского конгресса⁸³. Тематика данного исследования требовала внимательно изучить исторические основы политики двух основных акторов, соперничавших в Средиземноморье и Магрибе – Франции и Великобритании⁸⁴. Идеология европейских империй, делавшая возможной колониальные захваты, в том числе и в Северной Африке – в центре внимания в трудах Д. Питтс и А. Конклин⁸⁵. Европейские и американские историки уделяют пристальное внимание истории Российской империи, можно говорить о наличии международной по своему характеру историографии России как империи⁸⁶.

Изучению истории Восточного вопроса и роли России в его разрешении посвящено немало трудов европейских и американских ученых. Интерес к данной теме на протяжении всего XX в. был очень высоким⁸⁷. Современные ученые продолжают ее изучение⁸⁸. Роль Черноморских проливов в восточной

⁸⁰ Burbank J., Cooper F. *Empires in World History*. – Princeton University Press, 2010.

⁸¹ Rieber A. *The struggle for the Eurasian borderlands: From the rise of Early Modern empires to the end of the First World War*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2014.

⁸² Diner D. *Cataclysms: A History of the Twentieth Century from Europe's Edge*. – Madison: University of Wisconsin Press, 2008; Tilly Ch. *Coercion, Capital, and European States. AD 990 – 1992*. – Cambridge, MA: Blackwell, 1992.

⁸³ Vick B.E. *The Congress of Vienna. Power and Politics after Napoleon*. – Harvard University Press. 2014; *Russia and the Napoleonic Wars*. Edited by J. M. Hartley, P. Keenan and D. Lieven. – New York, Palgrave Macmillan, 2015.

⁸⁴ Zwiernlein C. *Imperial Unknowns. The French and British in the Mediterranean, 1650–1750*. – Cambridge University Press, 2016.

⁸⁵ Pitts J. *A turn to Empire: the rise of imperial liberalism in Britain and France*. – Princeton University Press, 2005; Pitts J. *Empire and Legal Universalism in the 18th Century* // *American Historical Review*. – February 2012; Conklin A.L. *A Mission to Civilize*. – Stanford University press, 1997;

⁸⁶ Šedivý M. *Crisis among the Great Powers. The Concert of Europe and the Eastern Question*. – New York, I.B.Tauris, 2017; Šedivý M. *Metternich, the Great Powers and the Eastern Question*. – University of West Bohemia, Czech Republic, 2013; Frankel J. *The War and the Fate of the Tsarist Autocracy* // *The Impact of the Russo-Japanese War*. Ed. R. Kowner. – London, 2006; Reynolds M.A. *Shattering empires: the clash and collapse of the Ottoman and Russian empires, 1908–1918*. – Cambridge University Press, 2011.

⁸⁷ Taylor A.J.P. *The Struggle for Mastery in Europe. 1848 – 1918*. – Oxford University Press, 1954.

⁸⁸ Bitis A. *Russia and the Eastern question. Army, Government and Society. 1815-1833*. – Oxford university press, 2006; Daly J.C.K. *Russian Seapower and the Eastern question. 1827 – 1841*. – Macmillan, University of London, 1991.

политике России – тема монографии Р.П. Боброффа⁸⁹. Д.В. Тальяферро сосредоточился на вопросе мотивации великих держав при вступлении в конфликты⁹⁰. Конкуренция империй в период перед Первой мировой войной рассматривается и в трудах Д.Г. Херрманна, а П.Д. Халперн анализирует соперничество флотов великих держав в Средиземноморье в тот же период⁹¹.

Каждой из империй, участниц Восточного вопроса, посвящено немало работ. Франция, как метрополия для стран Магриба, находилась в центре внимания мировой науки на протяжении всего XX в. Изучались исторические и идеологические основы становления этой империи⁹².

Османская империя всегда привлекала внимание мировой науки с точки зрения своей богатой истории, опыта взаимодействия с многонациональным населением, в том числе арабским, критериев управления далекими провинциями, к числу которых относились и страны Магриба. Труды известного канадского историка-османиста Вирджинии Аксан исследуют политические и военные аспекты истории Высокой Порты, много внимания в них уделяется и России, как главному имперскому сопернику в XVIII – XIX вв.⁹³. Монография О. Кологлу посвящена истории османского правления в Ливии⁹⁴. Труд М. Ххана анализирует взаимоотношения Высокой Порты с Египтом, Триполи и Тунисом в 1774 – 1835 гг.⁹⁵.

Западная библиография стран Магриба отличаются непрерывностью традиции изучения региона, многочисленностью и разнообразием тем. В общих работах по истории Магриба выделяется классический труд Д.М. Абун-Насра, охватывающий весь исламский период истории региона⁹⁶. Немало авторов уделяют внимания теме варварийского пиратства в османский период, это С.

⁸⁹ Bobroff R.P. *Roads to Glory Late Imperial Russia and the Turkish Straits*. – New York, I.B. Tauris & Co Ltd, 2006.

⁹⁰ Taliaferro J.W. *Balancing risks Great Power Intervention in the Periphery*. – Cornell university press, Ithaca and London, 2004.

⁹¹ Halpern P.J. *The Mediterranean Naval Situation. 1908-1914*. – Cambridge, 1971; Herrmann D.G. *The Arming of Europe and the Making of the First World War*. – Princeton University Press, 1997.

⁹² Blais H., Deprest F. *The Mediterranean, a territory between France and Colonial Algeria: imperial constructions // European Review of History: Revue européenne d'histoire*. – 2012. – № 19 (1). – Pp. 33-57.

⁹³ Aksan V.H. *Ottoman Political Writing, 1768-1808*. / *International Journal of Middle East Studies*. – 1993. – Vol. 25. – No. 1. – Pp. 53-69; Aksan V.H. *Ottoman Wars, 1700–1870. An Empire Besieged*. – New York, Routledge, 2014.

⁹⁴ Koloğlu O. *500 years in Turkish-Libyan relations*. – Ankara, SAM, 2007.

⁹⁵ Hhana M. *Commandeering Empires: Egypt, Tripoli, and Tunis in the Age of Revolution, 1774-1835*. – University of Pennsylvania, USA, 2016.

⁹⁶ Abun-Nasr J.M. *A History of the Maghrib in the Islamic Period*. – Cambridge, New York, Cambridge University Press, 1987.

Клиссолд и Д. Панзак⁹⁷. Вопрос взаимоотношений магрибинских стран и Европы поднимается в работах А. Мартеля и А. Томсона⁹⁸.

История Алжира как первой колонии Франции в Северной Африке являлась темой исследований французских специалистов в течение всего XX в. Наиболее известные из этих работ – монографии Ш.-А. Жюльена и Ш.-Р. Ажерона⁹⁹. Большой интерес для данного исследования представляет статья М. Ларана «Российская политика и французская интервенция в Алжире 1829-1830 гг.», вышедшая в свет еще в 1961 г.¹⁰⁰.

Среди тем исследований, интересующих современных ученых, прежде всего – установление исторической ответственности Франции за жестокие формы колониального порабощения Алжира. Эта тема, в различных аспектах, звучит в трудах К.Б. Брауэра, Д. МакДугала и Д.Е. Сешнс и Д. Шраера¹⁰¹. Сравнение колониального опыта Франции и России – такая тема затрагивается в статье С. Оля¹⁰².

Исследования на европейских языках, посвященные султанату Марокко, на протяжении всего XX в. продолжали увеличиваться в числе и тематическом охвате. Некоторые специалисты получили признание и известность, такие, как Эдмунд Бёрк III и Жермен Аяш¹⁰³. Весомые монографии Ф.Р. Флаваноя и Ф. Парсонса посвящены различным аспектам марокканской истории XIX – начала XX вв.¹⁰⁴. Публикации, посвященные истории Марокко, изданные с начала 2000-

⁹⁷ Clissold S. *The Barbary Slaves*. – New Jersey, 1977; Panzac D. *Barbary Corsairs: the end of a legend, 1800-1820*. – Brill: Leiden, Boston, 2005.

⁹⁸ Martel A. *À l'arrière-plan des relations franco-maghrébines (1830-1881)*. – Tunis, 1968; Thomson A. *Barbary and Enlightenment: European Attitudes towards the Maghreb in the 18th Century*. – Leiden, New York: E. J. Brill, 1987.

⁹⁹ Julien Ch.-A. *Histoire de l'Algérie contemporaine. Vol. 1. La conquête et les débuts de la colonisation 1827-1871*. – Paris, PUF, 1964; Ageron Ch.-R. *Les Algériens Musulmans et la France*. – Paris, 1968; Ageron Ch.-R. *Modern Algeria. A History from 1830 to the Present*. – Hurst and Company, London, 1991.

¹⁰⁰ Laran M. *La politique russe et l'intervention française à Alger 1829-1830 // Revue des études slaves*. – 1961. – Vol. 38. – Pp. 119-128.

¹⁰¹ Brower C.B. *A Desert Named Peace*. – New York, Columbia University Press, 2009; McDougall J. *A World no longer shared. Losing the Droit de Cite in nineteenth-century Algiers // Journal of the economic and social history of the Orient*. – 2017. – № 60. – Pp. 18-49; Sessions J.E. *By Sword and Plow. France and the Conquest of Algeria*. N.Y. – Cornell University Press, 2011; Schreier J. *Arabs of the Jewish Faith: The civilizing mission in Colonial Algeria*. – New Brunswick, New Jersey and London: Rutgers University Press, 2010.

¹⁰² Haule S. « ... us et coutumes adoptées dans nos guerres d'orient » L'expérience coloniale russe et l'expédition d'Alger // *Cahiers du monde russe*. – 2004. – № 45 (1-2). – Pp. 293-320.

¹⁰³ Burke E. *Prelude to Protectorate in Morocco*. – The University of Chicago Press, 1976; Burke E. *The image of the Moroccan state in French ethnological literature: a new look at the origin of Lyautey's Berber policy // Arabs and Berbers. From tribe to nation in North Africa*. Edited by Ernest Gellner and Charles Micaud. – London, 1972. – P. 175-200; Ayache G. *La crise des relations germano-marocaines (1894 - 1897) // Hespéris Tamuda*. – 1965. – Vol. VI. – P. 159 – 204; Аяш Ж. *Очерки марокканской истории*. – М., Прогресс, 1982.

¹⁰⁴ Flournoy F.R. *British policy towards Morocco in the age of Palmerston (1830-1865)*. – Negro Universities Press, Connecticut, 1970; Parsons F. *The Origins of the Morocco Question. 1880 – 1900*. – London, 1976.

х гг., содержат как работы общего плана, например, монографию М. Абитбола, так и более специализированные труды¹⁰⁵.

Современные исследования истории Триполи конца XVIII – начала XX вв. опираются на классические труды, созданные в XX в. К таким относится, прежде всего, монография Е.Е. Эванс-Причарда, посвященная роли ордена Сенусия в истории страны, работы американского политолога Л. Андерсон¹⁰⁶. Авторитетным специалистом по истории Триполи в XVIII – XIX вв. и династии Караманлы является Кола Фоляян¹⁰⁷. Важная тема взаимодействия османского центра и провинции Триполи поднимается в трудах французского историка А. Мартеля¹⁰⁸. Книга Т.В. Чайлдза о дипломатическом противоборстве времен итало-турецкой войны за Триполи стала одним из первых крупных исследований такого рода¹⁰⁹.

После 2000 г. тема итало-турецкой войны за Триполи 1911-1912 гг. получила развитие в работах современных историков. Монография Ч. Стефенсона «Коробка с песком» оценивает данный конфликт как предвещающий Первую мировую войну¹¹⁰. Труд турецкого историка И. Киличаслана поднимает важный вопрос была ли Османская империя империалистическим государством? Автор дает ответ, анализируя историю регентства Триполи¹¹¹.

Тунисская тема в западной историографии XX в. представлена работами известных французских историков Ж. Ганьяжа и П. Себа¹¹². Тунисские историки К. Шатер, М.-Х. Шериф и А. Темими внесли весомый вклад в исследования доколониального и колониального периодов истории страны¹¹³. Известный арабист Л.К. Браун, автор «Туниса Ахмад-бея», проанализировал опыт модернизации Туниса середины XIX в. В исследовании Мезри Бдира сделана

¹⁰⁵ Abitbol M. *Histoire du Maroc*. – Paris, Perrin, 2014.

¹⁰⁶ Evans-Pritchard E.E. *The Sanusi of Cyrenaica*. – Oxford, 1954; Anderson L. *The state and social transformation in Tunisia and Libya, 1830-1980*. – Princeton university press, New Jersey, 1987.

¹⁰⁷ Folyan K. *Tripoli and the War with the U.S.A., 1801-5* // *The Journal of African History*. – 1972. – № 13 (2). – Pp. 268-269; Folyan K. *Tripoli during the Reign of Yūsuf Pāshā Qaramānlī*. – Nigeria: University of Ife Press, 1979.

¹⁰⁸ Martel A. *Les Confins Saharo-Tripolitaine de la Tunisie 1811-1911*. – Paris, PUF, 1965. – Vol. I.; Martel A. *Souveraineté et autorité ottomane: la Province de Tripoli du Couchant (1835-1918)*. – Université Paul Valéry, Montpellier.

¹⁰⁹ Childs T.W. *Italo-Turkish diplomacy and the war over Libya. 1911-1912*. – Leiden, 1990.

¹¹⁰ Stephenson Ch. *A Box of Sand: The Italo-Ottoman War, 1911–1912*. – Tattered Flag, Ticehurst, England, 2014.

¹¹¹ Kiliçaslan I. *Ottoman intervention in Tripoli (1835) and the question of Ottoman imperialism in the 19th century*. – Sabanci University, Turkey, 2019.

¹¹² Ganiage J. *La population européenne de Tunis au milieu du XIX siècle*. Paris, 1960; Ganiage J. *Les origines du protectorat français en Tunisie (1861-1881)*. – Paris, 1959; Sebag P. *La course tunisienne au XVIII-ème siècle*. – Tunis: IBLA, 2001.

¹¹³ Chater K. *Dépendance et mutations pré-coloniales: la Régence de Tunis de 1815 à 1857*. – Tunis: Publications de l'Université, 1984; Chérif M.-H. *Hammuda Pacha-bey et l'affermissement de l'autonomie tunisienne* // *Les Africains*. – 1977. – № VII. – Pp.103–27; Temimi A. *Le Beylik de Constantine et Hâdj Ahmed Bey (1830-1837)*. – Tunisie, publication de la Revue d'Histoire Maghrebine, 1978.

попытка установить причины попадания Туниса в зависимость от европейских держав в середине XIX в.¹¹⁴.

В период после 2000-го года продолжилось создание как общих работ по истории Туниса, так и углубленных исследований османского периода в истории страны. В этом отношении большой интерес представляет монография Асма Муалла «Регентство Тунис и Османская Порта в 1777 – 1814»¹¹⁵. Голландский исследователь Г. Ван Крикен в своем труде, написанном на основе материалов голландских архивов, рассматривает историю отношений между Тунисом и Гаагой в 1607 – 1884 гг.¹¹⁶.

Литература на арабском языке включает общие работы по истории арабских стран и периоду колониализма: это, например, труды Ахмада Исмаила Рашида и Ат-Туниси Мусы аль-Казима¹¹⁷. Для данного исследования особое значение имеют работы арабских историков, посвященные теме взаимоотношений магрибинских провинций с Османской империей. Среди них можно выделить монографии Абдель Монеима аль-Джимаеи и Ахмада Закарии аль-Шалака¹¹⁸.

Алжирская историография на арабском языке представлена монографией Амирави Ахмады, рассматривающего историю страны на протяжении обширного периода, начиная с XIX в.¹¹⁹. Истории связей Алжира с своими соседями по Магрибу во времена османского правления посвящен труд Шахразад Бутраа¹²⁰. История султаната Марокко, его противостояния европейскому империалистическому давлению исследуется в трудах Абдаллаха Аларви и Мулая Тайеба Алауи¹²¹. Работа Мухаммада Раджаба Заиди посвящена

¹¹⁴ Mezri Bdira. Relations internationales et sous-développement. La Tunisie 1857-1864. – Uppsala, 1978.

¹¹⁵ Asma Moalla. The Regency of Tunis and the Ottoman Porte, 1777–1814. – Routledge Curzon, London, New York, 2004.

¹¹⁶ Van Krieken G. Tunis-La Haye: Relations diplomatiques et consulaires d'après les archives néerlandaises (1607-1884) // Revue de l'Institut des Belles Lettres Arabes. – 2008. – № 202. – P. 201-279.

¹¹⁷ Ахмад Исмаил Рашид. Ат-Тарих Актар аль-Магриб аль-Араби ас-Сияси аль-Хадис ва ль-Муасар [Новая и современная политическая история стран арабского Магриба]. Дар аль-Нагда аль-Арабийя, 2004; Ат-Туниси Муса аль-Казим. Васаик ат-Тадахуль аль-Аджнаби фи ль-Ватан аль-Араби. [Последствия иностранного вмешательства в арабских странах]. Дамаск, 1982.

¹¹⁸ Абдель Монеим аль-Джимаеи. Аль-Дауля аль-Усмания ва ль-Магриб аль-Араби [Османское государство и арабский Магриб]. Дар аль-Фикр аль-Араби, Каир, Египет, 2004; Ахмад Закария аль-Шалак. Аль-араб ва Дауля Усманийя мин аль-Худуа иля ль-Муаджаха [Арабы и Османская империя: от подчинения до конфронтации]. Каир, издательство Миср Аравия, 2002.

¹¹⁹ Амирави Ахмада. Дирасат фи Тарих Аль-Джазаир аль-Хадис. [Исследования по истории современного Алжира]. Айн-Мелилья, Алжир. 2004.

¹²⁰ Шахразад Бутраа. Аль-Худур аль-Магриби фи ль-Джазаир Хиляль Агд аль-Усмани [Присутствие стран Магриба в Алжире в османскую эпоху] Университет Мохаммеда Будиафа, Мсила, 2015.

¹²¹ Абдаллах Аларви. Муджмалъ Тарих аль-Магриб. [Полная история Марокко]. Бейрут Ливан, 1996; Мулай Тайеб Алауи. Тарих аль-Магриб ас-Сияси фи Агд аль-Фаранси. [Политическая история Марокко во французскую эпоху]. Рабат, 2009.

истории Триполи времен правления династии Караманлы¹²². Два важных вопроса – политика Османской империи в период установления французского протектората и факторы, способствовавшие потере независимости Тунисом, рассматриваются в монографиях Али Махджуби и Шаиджи Абдуррахмана¹²³.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в том, что впервые в отечественной историографии история отношений Российской империи со странами Магриба рассматривается в рамках оригинального подхода – как производная от межимперского соперничества держав в рамках Восточного вопроса. Автор утверждает, что интерес России к североафриканскому региону возник и поддерживался на протяжении более чем векового периода по причине глубокой вовлеченности в соперничество там сначала Франции и Великобритании, а позднее к ним добавились Германия и Италия. Политика России в данном регионе строилась исходя из необходимости поддержания баланса интересов с одной страной или блоком европейских держав и Османской империей.

В рамках такого подхода рассматриваются отношения османского имперского центра и магрибинских провинций. Вопреки устоявшемуся мнению, что связи Османской империи и Магриба были ослаблены и провинции лишь формально считались частью империи, автор показывает, что их объединяли религиозное единство, идеологическая близость и общие политические противники. Полуавтономный статус варварийский регентств был удобным инструментом политики Высокой Порты, а не свидетельством ее равнодушия или постепенного ухода из региона вследствие внутреннего кризиса. Автором установлено, что определяющим и давящим фактором в двусторонних российско-магрибинских связях являлось соперничество Константинополя и Санкт-Петербурга, Россия выступала в качестве главного имперского противника Высокой Порты. На основе анализа документов российских архивов и опубликованных европейских источников, автором впервые показано, что попытки России закрепиться в регионе, основав «военно-торговую» базу, начатые в конце 1770-х гг., были обречены на провал из-за единодушного противодействия османов, французов, австрийцев и англичан.

Вкладом автора можно назвать исследование политического курса России в отношении захвата Францией Алжира в 1830 г. – этого нового этапа вовлеченности европейских держав в противоборство в Магрибе. Автором исследована связь между алжирскими событиями и лежащей в их основе идеологией французского империализма, использовавшейся для

¹²² Мухаммад Раджаб Заиди. Либийа фи аль-Ахд аль-Караманли [Ливия в эпоху правления Караманлы]. Бенгази, Дар аль-Китаб аль-Либи, 1974.

¹²³ Али Махджуби. Интисаб уль-Химаяти аль-Фарансияти фи Тунис. [Установление французского протектората в Тунисе]. Серрес Паблишн, Тунис, 1986; Шаиджи Абдуррахман. Аль-Масалья ат-Тунисийя ва ас-Сияса аль-Усманийя 1881 - 1913 [Тунисский вопрос и османская политика 1881-1913]. Тунис, 1973.

делеги́тимизации «варварских» режимов в Северной Африке. Впервые в отечественной историографии в данной работе исследовано отношение российского общества к колониальным стратегиям Франции в Алжире и Тетуанской войне, создавшей первую из серии конфликтную ситуацию между Великобританией, Францией и Испанией из-за Марокко.

К ранее не исследованным темам относятся и рассмотренные в данной работе на основе анализа архивных документов процессы установления дипломатических отношений со странами Магриба: Тунисом, Алжиром и Марокко. В диссертационном исследовании также освещена роль русско-французского союза в укреплении связей России с Северной Африкой. Установлено, что политика российской дипломатии в триполитанском вопросе свидетельствовала о расстройстве управления и отсутствии единства во властных элитах империи. Эти негативные факторы оказали влияние и во время марокканских кризисов. Выявлено, что в преддверии Первой мировой войны марокканские кризисы не только способствовали нарастанию воинственных настроений в Европе, но и продемонстрировали уязвимость и слабость России, затруднения в продвижении собственной программы разрешения Восточного вопроса.

Положения, выносимые на защиту:

1. Политический, военный и торговый интерес в России к Западному Средиземноморью, и к странам Северной Африки в том числе, возникает со времени получения Российским государством имперского статуса. Важнейшим отягощающим фактором в двусторонних российско-магрибинских связях являлось соперничество Константинополя и Санкт-Петербурга, Россия выступала как главный имперский противник Высокой Порты.

2. Османскую империю и ее североафриканские провинции на протяжении XVI – XVIII вв. объединяли узы религии, совпадение интересов и политические соперники. Высокая Порта поддерживала постоянный контакт с губернаторами Варварии и эффективно использовала корсарский флот провинций как для прямой войны, так и для ослабления торговли европейских соперников. Полуавтономный статус варварийских регентств являлся практичным средством политики Высокой Порты, а не свидетельством ее слабости вследствие внутреннего кризиса.

3. Рубеж XVIII – XIX вв. стал временем кардинальных изменений в странах Северной Африки. Если ранее европейские страны конкурировали со странами Северной Африки в средиземноморской торговле, то теперь сами османские провинции постепенно превращались в желанные трофеи европейских империй. Основными конкурентами в этой борьбе выступали две империи – Британская и Французская.

4. В целом положительное отношение Санкт-Петербурга к планам французской экспедиции в Алжир имело определенные ограниченные рамки и

не являлось прямой поддержкой экспансии. Российская дипломатия опасалась как международных осложнений, так и негативного влияния на мусульманский мир.

5. В рамках межимперского соперничества за Магриб следует рассматривать и восстановление прямого османского правления в Триполи. Но и после этого Франция и Великобритания продолжали следовать политике подрыва усилий османов по централизации их империи. Если в период правления династии Караманлы они делали ставку на противоборство наследников династии, то при османах их взоры устремились на лидеров движения регионализма.

6. Тетуанская война, создавшая первую конфликтную ситуацию между Великобританией, Францией и Испанией из-за Марокко, показала, что в будущем эта страна может стать серьезным источником общеевропейской напряженности. Со времени Тетуанской войны российская дипломатия и общественные круги внимательно следили и изучали эту страну.

7. При установлении консульских отношений с Тунисом, Алжиром и Марокко одной из главных целей Российской империи являлось наблюдение за разворачивающейся здесь борьбой европейских держав. Одним из основных мотивов Франции при принятии решения о захвате Туниса являлось межимперское соперничество.

8. Политика российской дипломатии в триполитанском вопросе свидетельствовала о трудностях в управлении и отсутствии консенсуса во властных структурах страны. Этот негативный крен также был продемонстрирован и в серии марокканских кризисов. В преддверии Первой мировой войны марокканские кризисы не только способствовали нагнетанию напряженности в Европе, но и выявили внутреннюю уязвимость России, ее зависимость от союзников и бессилие в продвижении собственного проекта разрешения Восточного вопроса.

Теоретическая значимость исследования определяется тем, что автором введены в научный оборот ранее не публиковавшиеся документы по истории политики Российской империи в Магрибе. На основе привлечения и глубокого анализа объемного корпуса архивных документов, исторических источников и внушительной историографической базы, создан комплексный научный труд о политике Российской империи в Магрибе, ее истоках, становлении и роли в межимперском соперничестве в ходе разрешения Восточного вопроса. Выводы и оценки автора, а также трактовки материалов могут быть использованы профессиональными историками в научной и научно-педагогической деятельности, в частности, в ходе дальнейшего научного поиска в исследовании российско-арабских связей, истории межимперских отношений, истории российской внешней политики и Восточного вопроса.

Практическая значимость работы заключается в том, результаты диссертационного исследования могут оказаться полезными в процессе

разработки общих и специальных курсов в высших учебных заведениях при подготовке лекций и семинарских занятий по курсам «История российской внешней политики», «История международных отношений» и «История российско-арабских связей».

Апробация работы. Диссертант опубликовал 35 научных работ по теме диссертации, включая 18 статей из перечня рецензируемых изданий ВАК Министерства науки и высшего образования РФ для публикации итогов диссертационной работы (по специальности **5.6.7. История международных отношений и внешней политики**), общим объемом авторского участия в публикациях свыше 53 п.л.

Основные положения данного исследования апробированы автором в Центре истории и культурной антропологии Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт Африки РАН, а также в научных докладах на конференциях: X Международная конференция африканистов «Безопасность Африки: внутренние и внешние аспекты» (Москва, 2005); Международная научная конференция «Востоковедение и африканистика в университетах Санкт-Петербурга, России, Европы. Актуальные проблемы и перспективы» (Санкт-Петербург, 2006); XI Международная конференция африканистов (Москва, 2008); Международная конференция «Иерархия и власть в истории цивилизаций» (Москва, 2009); XXVI Международная научная конференция по источниковедению и историографии стран Азии и Африки (Санкт-Петербург, 2011); XXVII Международная научная конференция по проблемам источниковедения и историографии стран Азии и Африки «Локальное наследие и глобальная перспектива» (Санкт-Петербург, 2013); XIII Международная конференция африканистов «Общество и политика в Африке: неизменное, меняющееся, новое» (Москва, 2014); XXVIII Международная конференция по источниковедению и историографии стран Азии и Африки (Санкт-Петербург, 2015); IV Международная научная конференция «Архивное востоковедение» (Москва, 2017); XXX Международный конгресс по источниковедению и историографии стран Азии и Африки (Санкт-Петербург, 2019); Конференция «Африка: постколониальный дискурс» (Ярославль, 2020); XV Международная конференция африканистов «Судьбы Африки в современном мире» (Москва, 2021); Международный научный Конгресс по источниковедению и историографии стран Азии и Африки «Россия и Восток. К 100-летию политических и культурных связей новейшего времени» (Санкт-Петербург, 2021); II Международный научный форум «Россия-Африка: политика, экономика, история и культура» (Казань, 2021); V Международная научная конференция «Архивное востоковедение» (Москва, 2021).

Структура диссертации, в соответствии с поставленными целями и задачами исследования, построена по проблемно-хронологическому принципу и включает введение, четыре главы, заключение, список источников и литературы, словарь терминов. Каждая глава состоит из 3-5 параграфов, объединенных по тематическому принципу.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** определяются актуальность исследования, его научная новизна, формулируются объект и предмет, ставятся цели и задачи, даётся характеристика источниковедческой базы диссертации и историографии темы, а также методологической платформы исследования, приводятся сведения о научно-практической значимости и апробации работы.

В первой главе «Взаимоотношения имперских держав и стран Магриба в последней четверти XVIII – первой четверти XIX вв.» дан анализ отношения великих держав к странам Магриба в период, когда Россия, изменив баланс сил между империями, оказалась вовлеченной в решение Восточного вопроса. Тогда же возник политический, военный и торговый интерес в России к Средиземноморью, и к странам Северной Африки в том числе.

В первом параграфе «Российская империя и Восточный вопрос» освещена история становления России как великой державы и ее участие в решении Восточного вопроса. В параграфе дается определение Восточного вопроса, обозначается круг участников, оценивается его значение для международной политики и степень вовлеченности великих держав Европы в его решение.

Успешные для России русско-турецкие войны 1768-1774 и 1787-1791 гг. изменили баланс сил и поставили европейские империи перед дилеммой участия в предполагаемом распаде Османской империи. Позиция России в вопросе расчленения Османской империи не была постоянной. Если на первом этапе – при правлении Екатерины II – Российская империя стремилась к силовому противостоянию с наступлением на турецкие позиции под идеологическим лозунгом покровительства русского самодержавия православным народам, то уже в начале XIX в. эта политика претерпела изменения. Преемники императрицы склонялись к политике «слабого соседа» в отношении Османской империи, подразумевающую замещение прямой экспансии системой политического контроля путем расширения договорных прав. Несмотря на коррекцию российской политики в отношении Османской империи, неоднократные успешные войны против османов способствовали росту соперничества и недоверия со стороны Франции и Великобритании. Эти две державы уже являлись государствами-лидерами в Средиземноморском и Ближневосточном регионах к тому моменту, когда Россия только начала заявлять о своих правах. В конкурентных целях европейские империи использовали обвинения против России в экспансионизме и стремлении к расчленению Османской империи.

Второй параграф «Отношение имперского османского центра к североафриканским провинциям» посвящен вопросу статуса стран Северной Африки в Османской империи, взаимоотношениям имперского центра и этих провинций. Высокая Порта поддерживала постоянный контакт с губернаторами североафриканских провинций и эффективно использовала их корсарский флот

как для прямой войны, так и для ослабления торговли европейских соперников. Полуавтономный статус магрибинских регентств был полезным инструментом политики Высокой Порты, а не свидетельством ее ослабления и постепенного ухода из региона.

Алжир долгое время считался социально-политическим и экономическим центром североафриканских провинций. Из всех трех регентств власти Алжира обладали наименьшей легитимностью. Региональный гегемонизм Алжира, основным фактором которого был размах корсарской деятельности, стал ослабевать по мере того, как подходило к концу пиратство в Средиземноморье.

Во второй половине XVIII в. основным военным противником Османской империи становится Россия, что непосредственно отражается и на отношениях Высокой Порты с регентствами Магриба. Высокая Порта обращалась к своим вассалам в Северной Африке как за прямой военной помощью, призывая на службу корсарский флот регентств, так и за другими формами поддержки.

В третьем параграфе «Трансформация международного положения Алжирского, Тунисского и Триполитанского регентств и султаната Марокко в последней четверти XVIII в.» анализируются кардинальные изменения международного положения стран Северной Африки на рубеже XVIII – XIX вв. Если в XVI – XVII вв. магрибинские регентства и Марокко представляли из себя региональные морские державы и между ними и странами Европы существовал паритет сил, то с установлением мира после периода Наполеоновских войн и окончательным запретом каперства стало очевидно экономическое и техническое превосходство Европы над странами Магриба. Если ранее европейские государства конкурировали со странами Северной Африки в средиземноморской торговле, то теперь сами османские провинции постепенно становились объектом экспансии со стороны европейских империй.

Упорство алжирской власти в желании сохранить пиратство, ставшее анахронизмом и мешавшее развитию международной торговли в Средиземноморье, вело регентство к краху. Для Туниса, как и остальных магрибинских стран, Египетская экспедиция Наполеона стала отправной точкой для осознания экономического и технического превосходства Европы над мусульманским миром. Но реакция этого регентства отличалась от алжирской. Гораздо более прагматичной и гибкой была политика бея Туниса Хаммуды паши в данный период. Ситуация в регентстве Триполи в конце XVIII - первой четверти XIX вв. осложнялась внутренними проблемами: династической войной и снижением легитимности власти династии Караманлы. Особый интерес европейских держав к Марокко объяснялся соседством со стратегической точкой Средиземноморья – Гибралтарским проливом. На протяжении всего XIX в. Великобритания стремилась сохранить независимость Марокко и пресекала возможные угрозы для его целостности с целью недопущения контроля пролива со стороны какой-либо европейской державы.

В четвертом параграфе «Российская политика в отношении магрибинских провинций Османской империи и султаната Марокко в последней четверти XVIII – первой четверти XIX вв.» рассматривается первый этап установления связей Российской империи со странами Магриба. Россия предприняла первые попытки установить контакты со странами Магриба в годы, последовавшие за заключением Кючук-Кайнарджийского мирного договора 1774 г. В отличие от других европейских держав, Россия никогда не заключала прямых договоров с властями регентств, отношения строились исходя из того, что североафриканское побережье находится под прямым османским сюзеренитетом. Попытки России закрепиться в регионе, основав «военно-торговую» базу, начатые в конце 1770-х гг., были обречены на провал из-за единодушного противодействия всех основных акторов Восточного вопроса.

В данном параграфе также анализируется общественный интерес в России к странам Магриба в первой четверти XIX в. Отсутствие прямых контактов вело к тому, что в России страны Магриба оценивали через знакомство с европейской прессой и публицистикой.

Во второй главе «Политическая трансформация Магриба вследствие противоборства империй 1830-1870 гг.» рассматриваются политические изменения в Магрибе из-за включения этого региона в сферу противоборства европейских держав. Дается оценка позиции России в связанных с этим конфликтах.

В первом параграфе «Позиция России в вопросе захвата Алжира Францией в 1830 г.» анализируются причины, идеология и международные последствия захвата Алжира Францией в 1830 г. и отношение российской дипломатии к этому вопросу. Завоевание Алжира Францией в 1830 г. стало критическим рубежом для всех участников этого исторического события: подчинение Алжира европейской христианской державой в корне изменило регион Северной Африки, сама Франция начала переход от первой колониальной империи к «новому империализму» XIX – первой половины XX вв.

«Цивилизаторская миссия» как краеугольная идея французского империализма XIX в. являлась идеологической основой для делегитимизации «варварских» режимов в Северной Африке.

На первом этапе Франция пыталась покорить Алжир руками правителя Египта, новой восходящей державы на севере Африки, паши Мухаммеда Али в рамках так называемого плана Дроветти. Но французский план не нашел поддержки в Европе. В разрешение алжирской проблемы в той или иной степени были вовлечены все акторы Восточного вопроса. Это свидетельствовало о том, что страны Северной Африки утрачивали субъектность и вслед за другими периферийными национальными окраинами слабеющей Османской империи становились предметом торга великих держав. В целом положительное отношение Санкт-Петербурга к планам французской экспедиции в Алжир имело

определенные ограниченные рамки и не являлось прямой поддержкой экспансии.

Второй параграф «Восстановление турецкого сюзеренитета над Триполи: централизация вопреки регионализму и европейской конкуренции» посвящен следующему по времени крупному политическому сдвигу в регионе Магриба – восстановлению прямого османского управления над регентством Триполи в 1835 г.

С 1830 г., с захвата Алжира, Высокая Порты находилась под прессом гипертрофированных опасений за судьбу остальной части Северной Африки. Последующие действия османов следует понимать как активное участие в межимперской конкуренции. Главной задачей Великой Порты во время гражданской войны в Триполи, инициированной членами правящей династии Караманлы, была стабилизация обстановки в регионе, чтобы исключить возможность иностранной оккупации страны. Очевидной причиной, по которой султан Махмуд II предпочел прямую оккупацию регентства собственными войсками, было наличие агрессивной европейской державы по соседству с Триполи: он опасался Франции, пять лет назад оккупировавшей Алжир.

Последующие двадцать лет османские власти потратили на преодоление укоренившегося регионализма, на подчинение племен Триполитании и Фецана. Но и в этот период Франция и Великобритания продолжали следовать политике подрыва усилий османов по централизации их империи.

В третьем параграфе «Империи и опыт колониального освоения территорий: отношение в России к колониальным стратегиям Франции в Алжире» рассмотрено отношение России к колониальному опыту Франции в Алжире. На основе анализа российской публицистики 1840 – 1870-х гг., автор приходит к выводу, что отличительной особенностью российского ориенталистского дискурса являлся интерес к колониальному опыту других великих держав. Изучение французских практик в Алжире шло научным и практическим путями. Если в 1830-40-е гг. представления об Алжире в России во многом формировались с французской подачи, то уже в 1850-х гг. российские специалисты получили возможность поездок в Алжир и сформировали собственный взгляд на происходящее там. Важным представляется и тот момент, что вплоть до 1870-х гг. тема Алжира изучалась, анализировалась и представлялась в публицистике не обычными журналистами, а кадровыми военными, в основном сотрудниками Генштаба, и востоковедами.

Российская точка зрения заметно отличалась от французской бóльшим пониманием потребностей и специфики восточной колонии, бóльшим гуманизмом. Сказывался собственный длительный опыт России по взаимодействию с восточными обществами и мусульманским населением.

В четвертом параграфе «Тетуанская война: схватка европейских держав за Марокко и позиция России» анализируются причины внимания европейских держав к еще одной стране Магриба – султанату Марокко.

Выбор Испанией Марокко в качестве мишени экспансии объяснялся слабостью султаната и наличием постоянного источника конфликтов – испанских анклавов на севере – Сеуты и Мелильи. Экспансия была необходима Мадриду по соображениям, связанным с внутренней нестабильностью, для поднятия популярности власти в Испании.

Ситуация вокруг Марокко заставила все великие державы определиться с отношением к ней. Выход Марокко на авансцену противоборства держав привлек внимание широких кругов российского общества. Об интересе России к Тетуанской войне свидетельствует, в том числе, направление российского офицера прапорщика Беккера в распоряжение испанских войск в Марокко под командованием маршала О`Доннелла в конце января 1860 г.

Тетуанская война, создавшая первую конфликтную ситуацию между Великобританией, Францией и Испанией из-за Марокко, показала, что в будущем эта страна может стать серьезным источником общеевропейской напряженности. Со времени Тетуанской войны российская дипломатия и общественные круги внимательно следили и изучали эту страну.

В третьей главе «Установление дипломатических отношений России с Тунисским регентством, колонией Алжир и султанатом Марокко» диссертант исследует причины, по которым Российская империя в последней трети XIX в. решила установить дипломатические отношения со странами Магриба. Автором показано, что в этот период соперничество европейских держав в Северной Африке в рамках Восточного вопроса вышло на новый уровень вслед за вступлением в борьбу новых империй: Германской и Итальянской.

Первый параграф «Установление дипломатических отношений России с Тунисским регентством» посвящен рассмотрению процесса налаживания дипломатических связей между Российской империей и регентством Тунис. При установлении консульских отношений с Тунисским регентством в 1869 г., за 12 лет до французского захвата страны, одной из главных целей российской дипломатии являлось наблюдение за разворачивающейся здесь борьбой европейских держав. Тунисский вопрос постепенно «интернационализировался». Россия должна была принимать во внимание и устремления других империй в отношении Туниса, как способные влиять на общие договоренности в рамках Восточного вопроса. Россия приняла решение учредить консульство в Тунисе в 1866 г., но процесс затянулся на три года из-за интриг высших властей регентства.

Помимо межимперской конкуренции существенной причиной, по которой Россия решила открыть консульство в Тунисе, являлось покровительство

православной греческой общине регентства. Идея покровительства вселенскому православию глубоко взаимосвязана с имперскими амбициями России.

Во втором параграфе «Российское консульство в колонии Алжир» рассматривается история учреждения российского дипломатического представительства во французской колонии Алжир. Одной из главных задач консульства стала оценка стабильности положения колонии, как фактор, который мог повлиять на способность Франции выполнять свои союзнические обязательства в свете возможного столкновения противостоящих военно-политических блоков в Европе. Из всей плеяды российских консулов в Алжире выделяется коллежский советник Г.Л. Томашевский (1903 – 1910). При нем российское консульство в Алжире, помимо рутинных забот о российском военном и торговом мореплавании и делах российских подданных, впервые заинтересовалось более широким кругом вопросов, таких как история колонизации страны, берберские народности Алжира, роль мусульманских тарикатов, восстания коренного населения, связи племен Алжира и Марокко и состояние безопасности французской колонии.

В третьем параграфе «Установление дипломатических отношений Российской империи с султанатом Марокко» анализируются причины политического интереса России к Марокко. Решение установить дипломатические отношения с султанатом Марокко, принятое в 1897 г., являлось признанием российской дипломатией того факта, что «марокканский вопрос», как часть Восточного вопроса, вышел на передний план европейской политики. Формулируя задачу для первого российского представителя в Марокко министра-резидента В.Р. Бахерахта, МИД России указывал, что непосредственной целью является предотвратить всякое нарушение существующего равновесия сил в бассейне Средиземного моря. Вплоть до заключения соглашений с Великобританией в рамках Тройственной Антанты в 1907 г. российская дипломатия в Марокко придерживалась профранцузского курса, что было связано с общим направлением российской политики и приверженностью договоренностям Русско-французского союза.

Четвертый параграф «Установление французского протектората в Тунисе и позиция Российской империи» посвящен реакции российской дипломатии на захват Францией Туниса в 1881 г. Закрепление французов в Тунисе происходило в гораздо более «стесненных» международных условиях, чем захват Алжира пятьюдесятью годами ранее. Французскому правительству приходилось считаться с мнением каждой из держав. Позиция России по данному вопросу оставалась нейтральной, но Санкт-Петербург беспокоило нарастание враждебности между Италией и Францией как следствие этого шага. Для Санкт-Петербурга важным было не осложнять отношения с Францией, возможным союзником против австро-германского блока.

Установление протектората ознаменовало начало новой фазы межимперского соперничества, поскольку европейские державы нашли новые

способы конкурировать за влияние в протекторате, используя прежние и новые договоренности. Помимо политико-стратегического аспекта это соперничество выражалось в административной и юридической областях.

В четвертой главе «Политика Российской империи в отношении стран Магриба в период европейского преобладания в регионе (конец XIX – 1910-е гг.)» анализируется позиция России в международных конфликтах в Магрибе в конце XIX – начале XX вв.

В первом параграфе «Французские колонии в Северной Африке в противостоянии Русско-французского военно-политического союза и Тройственного союза в последней четверти XIX - начале XX вв.» исследована роль французских колоний в Северной Африке в планах Русско-французского союза. Российская внешняя политика в Восточном вопросе получила поддержку с заключением Русско-французского военно-политического союза. Участие в русско-французском союзе, а затем и в Антанте открывало для России перспективы закрепления ее флота в Средиземноморье, превращения в средиземноморскую державу. Многократно увеличилось число морских визитов российского флота в порты североафриканских колоний Франции – Алжира и Туниса.

Критической точкой, вокруг которой сконцентрировались споры Франции, Италии и Великобритании в Северной Африке после 1891 г. неожиданно стал тунисский порт Бизерта, который державы рассматривали как важнейший стратегический пункт Средиземноморья. С заключением русско-французского союза в 1891 г. напряженность возросла еще больше, потому что стала распространяться информация о намерениях России держать постоянные силы в Средиземном море: сообщалось, что французское правительство хочет предоставить России порт Бизерта для ее флота.

Второй параграф «Позиция России в вопросе итало-турецкой войны за Триполи» посвящен изучению попыток российской дипломатии использовать итало-османскую войну за Триполи для решения своих внешнеполитических проблем.

Итало-турецкий конфликт из-за Триполи способствовал существенному усугублению политических противоречий европейской политики в преддверии Первой мировой войны. Для дипломатии Российской империи первый этап итало-османского противостояния в Триполи ознаменовался попыткой использовать этот конфликт для разрешения основных вопросов российско-османских отношений данного периода. Попытка России вошла в историю как «демарш Чарыкова», по имени посла Российской империи при Высокой Порте в 1909 – 1912 гг. Но ситуация для игры на столь высокие ставки была явно неподходящей: правительство Российской империи переживало кризис. Даже если бы Османская империя дала согласие на открытие Босфора и Дарданелл для российских кораблей, это не привело бы к немедленному изменению статуса

проливов – данная проблема уже долгое время решалась в рамках договоренностей держав по Восточному вопросу.

Политика российской дипломатии в триполитанском кризисе свидетельствовала о сбоях в управлении и разногласиях в правящих кругах империи. Эта тенденция также сохранялась и в серии марокканских кризисов.

В третьем параграфе «**Влияние Марокканских кризисов на внешнюю политику Российской империи в первые десятилетия XX в.**» рассматривается влияние Марокканских кризисов на отношения держав в рамках Восточного вопроса. Споры европейских держав вокруг Марокко стали одним из главных источников напряженности в европейской политике в предвоенное десятилетие. Позиция Российской империи имела особое значение для всех сторон противостояния. Российская внешняя политика в данный период отражала общеполитический кризис империи. Россия колебалась между несколькими внешнеполитическими стратегиями и какой-то мере тяготилась обязательствами по русско-французскому союзу. Она опасалась, что будет втянута в войну, не отвечающую ее интересам. Но России пришлось поддерживать Францию на протяжении конференции в Альхесирасе как по причине опасений втягивания в войну, так и по финансовым соображениям. Первый марокканский кризис (1905-1906) способствовал дальнейшему разделению Европы на два противостоящих блока.

Во время второго кризиса в 1911 г. Марокко вновь, через шесть лет, выступило в роли предлога для начала мировой войны. Во время второго марокканского кризиса Россия сыграла важную роль в обуздании воинственных настроений во Франции и Германии. Но политику России опять отягощали двусмысленность и неопределенность, когда дело касалось данных Франции обещаний поддержать ее в противостоянии с Германией.

В **Заключении** диссертации представлены основные результаты проведенного исследования. Изучив политику России в межимперском соперничестве в Магрибе, диссертант сделал следующие выводы:

1. Политика России в Северной Африке в последней четверти XVIII - начале XX вв. развивалась в рамках Восточного вопроса. Диссертант поддерживает ту его трактовку, согласно которой политический, военный и торговый интерес в России к западному Средиземноморью, и к странам Северной Африки в том числе, возникает со времени получения Российским государством имперского статуса. Успешные для России русско-турецкие войны 1768-1774 и 1787-1791 гг. изменили баланс сил между империями и поставили их перед дилеммой раздела османского наследства. С екатерининских времен и вплоть до Первой мировой войны борьба за контроль за Черноморскими проливами, которые имели исключительное стратегическое значение как для России, так и для Османской империи, стала постоянной целью русской политики в Восточном вопросе. В конкурентных целях европейские империи

использовали обвинения против России в экспансионизме и стремлении к расчленению Османской империи.

2. Значительным и отягощающим фактором в двусторонних российско-магрибинских связях было соперничество Константинополя и Санкт-Петербурга, Россия являлась основным имперским противником Высокой Порты. Доказано, что Османскую империю и ее североафриканские провинции объединяли религиозная и идеологическая близость, общие политические соперники. Высокая Порта поддерживала постоянный контакт с губернаторами Магриба и эффективно использовала корсарский флот провинций как для прямой войны, так и для ослабления торговли европейских соперников. Полуавтономный статус североафриканских регентств был практическим средством политики Высокой Порты.

Определено, что важным этапом в развитии межимперской конкуренции в отношении территорий Османской империи стал Венский конгресс 1815 г. В соответствии с его итогами, Османская империя оставалась за пределами Европы, незащищенной ее публичным правом, в то время как ее обширные окраины, имеющие большое экономическое и геополитическое значение, стали площадкой для соперничества европейских империй.

3. Выявлено, что Россия предприняла первые попытки установить контакты со странами Магриба в годы, последовавшие за заключением Кючук-Кайнарджийского мирного договора 1774 г. В отличие от других европейских держав, Россия никогда не заключала прямых договоров с властями магрибинских регентств, отношения строились исходя из того, что североафриканское побережье находится под прямым османским сюзеренитетом. Доказано, что Россия не заключала «мирного» договора и с независимым султанатом Марокко, так как это подразумевало выплату дани в обмен на безопасность мореплавания.

Установлено, что попытки России закрепиться в регионе, основав «военно-торговую» базу, начатые в конце 1770-х гг., закончились безрезультатно из-за единодушного противодействия османов, французов, австрийцев и англичан. Основными конкурентами в борьбе за Магриб выступали две империи – Британская и Французская. Франция была привержена формальному империализму по отношению к странам Магриба, а Великобритания – неформальной его форме.

4. Определено, что 1830 г., год захвата Алжира Францией, положил начало политическим переменам в североафриканском регионе и новому этапу вовлеченности европейских держав в противоборство в Магрибе. Экономическая отсталость и периферийный статус провинций Алжира, Туниса, Триполи и султаната Марокко делал их уязвимыми перед европейскими империями.

Показано, что «цивилизаторская миссия» как краеугольная идея французского империализма XIX в. являлась идеологической основой для делегитимизации «варварских» режимов в Северной Африке. Данная идеология стала доминирующей в Европе после Венского конгресса 1815 г., который утвердил «концерт цивилизованных наций» в качестве альтернативы «непросвещенному деспотизму», живым воплощением которого и стали в глазах Европы мусульманские страны Средиземноморья. Отрицание равенства между колонизаторами и колонизированными лежит в основе западного колониализма XIX в.

5. Установлено, что отношение европейских империй к захвату Алжира было неоднозначным: Лондон и Вена были категорически против, а Санкт-Петербург и Берлин не возражали, но выражали большой скептицизм. В целом положительное отношение Санкт-Петербурга к планам французской экспедиции в Алжир имело определенные ограниченные рамки и не являлось прямой поддержкой экспансии. Российская дипломатия опасалась как международных осложнений, так и негативного влияния на мусульманский мир. Восточный вопрос вступил в новую фазу, положение Османской империи становилось общеевропейской ответственностью.

6. Доказано, что восстановление прямого османского правления в Триполи следует рассматривать в рамках межимперского соперничества за Магриб. Но и после этого Франция и Великобритания продолжали делать все для подрыва усилий османов по централизации их империи. Если в период Караманлы они поддерживали соперничающих наследников династии, то при османах европейская протекция оказывалась лидерам движения регионализма.

7. Отличительной особенностью российского ориенталистского дискурса являлся интерес и внимание к колониальному опыту других великих держав. Установлено, что если в 1830-40-е гг. представления об Алжире в России во многом формировались с французской подачи, то уже в 1850-х гг. российские специалисты получили возможность поездок в Алжир и сформировали собственный взгляд на происходящее там. Российская точка зрения заметно отличалась от французской бóльшим пониманием потребностей и специфики восточной колонии, бóльшим гуманизмом. Сказывался собственный длительный опыт России по взаимодействию с восточными обществами и мусульманским населением.

8. Тетуанская война, создавшая первую конфликтную ситуацию между Великобританией, Францией и Испанией из-за Марокко, показала, что в будущем эта страна может выступить как серьезный источник общеевропейской напряженности. Отмечено, что со времени Тетуанской войны российская дипломатия и общественные круги внимательно следили за происходящим в султанате.

9. В последней трети XIX в. соперничество европейских держав в Магрибе в рамках Восточного вопроса вышло на новый уровень вслед за вступлением в

борьбу новых империй: Германской и Итальянской. В таких условиях Россия сочла необходимым иметь собственных дипломатических представителей в странах региона.

Доказано, что при установлении консульских отношений с Тунисским регентством в 1869 г. одной из главных целей являлось наблюдение за разворачивающейся здесь борьбой европейских держав. Другая важная причина – покровительство православной греческой общине регентства. Идея покровительства вселенскому православию глубоко взаимосвязана с имперской миссией России.

Показано, что после заключения русско-французского союза и развития сотрудничества между империями, список задач российских консулов в Алжире существенно расширился. И одной из них стала оценка стабильности положения колонии, как фактор, который мог повлиять на способность Франции выполнять свои союзнические обязательства в свете возможного столкновения противостоящих военно-политических блоков в Европе.

Определено, что решение установить дипломатические отношения с султанатом Марокко, принятое в 1897 г., являлось признанием российской дипломатией того факта, что «марокканский вопрос», как часть Восточного вопроса, вышел на передний план европейской политики. Широкие политические интересы и союзнические обязательства подталкивали российскую дипломатию содействовать французским интересам и планам в Марокко.

10. Выявлено, что одним из основных мотивов Франции при принятии решения о захвате Туниса являлось межимперское соперничество. Закрепление французов в Тунисе происходило в гораздо более «стесненных» международных условиях, чем захват Алжира пятьюдесятью годами ранее. Французскому правительству приходилось считаться с мнением каждой из держав, поэтому протекторат явился результатом тщательного компромисса.

11. Доказано, что в последней четверти XIX – начале XX вв. российская внешняя политика в Восточном вопросе получила поддержку с заключением Русско-французского военно-политического союза.

Итало-османская война за Триполи еще больше углубила существовавшие между европейскими странами противоречия. Установлено, что политика российской дипломатии в триполитанском вопросе свидетельствовала о проблемах в управлении и отсутствии согласия во властных элитах империи. Эта тенденция также была продемонстрирована и в серии марокканских кризисов.

Доказано, что в преддверии Первой мировой войны марокканские кризисы не только способствовали поляризации противостоящих лагерей в Европе, но и продемонстрировали явную и подспудную нестабильность России, внутреннюю социальную и политическую уязвимость и ограниченность средств, которыми империя могла оперировать в своих интересах. Стала очевидна зависимость от

союзников по альянсу и неспособность продвинуть свою политическую программу, которая бы позволила разрешить Восточный вопрос в своих интересах.

СПИСОК РАБОТ, ОПУБЛИКОВАННЫХ АВТОРОМ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Основные положения и выводы диссертации нашли отражение в 35 публикациях автора, общим объемом более 53 п. л.

Публикации из перечня журналов, индексируемых в базах данных Web of Science и Scopus:

1. Жерлицына Н.А. Православная греческая община Туниса под покровительством Российской империи (по материалам АВПРИ) // Восток / Oriens. – № 6. – 2014. – С.110 – 115. – 0,5 п.л.
2. Жерлицына Н.А. Выход России в Магриб в эпоху Екатерины II // Новая и новейшая история. – 2016. – № 5. – С. 152-159. – 0,5 п.л.
3. Жерлицына Н.А. Российская позиция по отношению к колониальным захватам Франции в Магрибе в XIX – начале XX вв. // Вопросы истории. – 2017. – № 4. – С. 75 – 91. – 0,5 п.л.
4. 8. Жерлицына Н.А. К истории учреждения российских дипломатических представительств в Магрибе (по материалам Архива внешней политики Российской империи) // Вестник архивиста. – 2017. – № 4. – С. 159 – 171. – 0,5 п.л.
5. Жерлицына Н.А. Антифранцузское сопротивление в Алжире накануне и в годы Первой мировой войны (по материалам АВПРИ) // Вопросы истории. – 2018. – № 5. – С. 89 – 97. – 0,5 п.л.
6. Жерлицына Н.А. Восстание Хафидия в Марокко в 1907 – 1909 гг. в российской дипломатической переписке (по материалам АВПРИ) // Вопросы истории. – 2019. – № 12. – С. 60-69. – 0,5 п.л.
7. Жерлицына Н.А. От местного сепаратизма к иностранному вмешательству: Триполитания в период правления Юсуфа паши (1795 - 1832) // Вопросы истории. – 2020. – № 10 (3). – С. 264 – 273. – 0,5 п.л.
8. Жерлицына Н.А. Османский и британский факторы в антифранцузском сопротивлении бейлика Константины в 1830 – 1837 гг. // Научный диалог. – 2021. – № 4. – С. 357 – 371. – 0,5 п.л.
9. Жерлицына Н.А. «Сердечное согласие» и соперничество Великобритании и Франции в Северной Африке в 1830-1840 гг. На примере Марокко // Новая и новейшая история. – 2021. – Том 65. – № 4. – С. 71 – 81. – 0,5 п.л.

**Публикации в ведущих рецензируемых научных изданиях,
рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ:**

10. Жерлицына Н.А. 140 лет на службе России: династия консулов Ниссенов (1780-1923) в Тунисе // Дипломатическая служба. – М., Институт востоковедения. – 2008. – № 2. – С. 49 – 53. – 0,5 п.л.
11. Жерлицына Н.А. Участие Туниса в русско-турецких войнах // Военно-исторический журнал. – 2015. – № 3. – С. 52 – 56. – 0,5 п.л.
12. Жерлицына Н.А. Опыт взаимодействия государства и общества в Тунисе: проблемы религиозной политики в период модернизации в XIX в. // Проблемы востоковедения. – Уфа, 2016. – № 2 (72). – С. 28 – 32. – 0,5 п.л.
13. Жерлицына Н.А. Страны Магриба в Первой мировой войне: между лояльностью метрополии и панисламистскими симпатиями // Военно-исторический журнал. – 2017. – № 2. – С. 39 – 45. – 0,5 п.л.
14. Жерлицына Н.А. Российские научные экспедиции по Северной Африке в конце XIX - начале XX вв. // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. – 2017. – № 2 (786). – С. 124-131. – 0,5 п.л.
15. Жерлицына Н.А. Внутренние и внешние факторы ослабления Алжира в период, предшествовавший французскому завоеванию в 1830 г. // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. – 2019. – Вып. 4 (837). – С. 100 – 109. – 0,5 п.л.
16. Жерлицына Н.А. Захват Алжира Францией в 1830 г. в оценках европейских авторов XIX в. // Манускрипт. – 2020. – Т. 13. – Выпуск 3. – С. 52 -56. – 0,5 п.л.
17. Жерлицына Н.А. Идеологические основы французской колониальной политики в странах Магриба в XVIII – первой половине XX вв. // Общество: философия, история, культура. – 2020. – № 4 (72). – С. 61 -64. – 0,5 п.л.
18. Жерлицына Н.А. Пропагандистская борьба Германии и Франции в отношении стран Северной Африки в годы Первой мировой войны // Вестник Омского университета. Серия исторические науки. – 2021. – Т. 8. – № 4 (32). – С. 14–26. – 0,5 п.л.

Монографии и авторские сборники:

19. Жерлицына Н.А., Сологубовский Н.А., Филатов С.В. Диалог цивилизаций. Очерки из истории российско-тунисских отношений в XVIII – XX веках. – ИСАА при МГУ, Академия гуманитарных исследований, М., 2006. – 6 п.л.
20. Жерлицына Н.А. Документальный сборник: Россия и Тунис. Из истории отношений в 1780-1917 гг. Архивные документы и свидетельства современников. – М., ИАфр РАН, 2008. – 17,3 п.л.

21. Жерлицына Н.А. Российско-тунисские отношения. 1780 – 1991. Индивидуальная монография. – М. ИАФР РАН, 2014. – 13,7 п.л.

Публикации в других изданиях:

22. Жерлицына Н.А. К истории установления консульских отношений между Россией и Тунисом (1780 – 1870 гг.) // Куда идешь, Африка? Историко-политические этюды. – Институт Африки, М., 2004. – С. 25-37. – 0,5 п.л.
23. Жерлицына Н.А. Тунисское пиратство и российская политика в Средиземноморье в конце XVIII – XIX вв. // Африканистика молодых. Материалы первой научной конференции «Школа молодого африканиста». – Институт Африки, М., 2004. – С.35-46. – 0,5 п.л.
24. Жерлицына Н.А. Тунисское регентство и Восточный вопрос. Российские архивные материалы о столкновении интересов великих держав в Тунисе в первой половине XIX в. // Восточный архив. – Институт востоковедения РАН, М., 2004. – № 11 – 12. – С. 59-65. – 0,5 п.л.
25. Жерлицына Н.А. К истории российско-тунисской торговли. По материалам Архива внешней политики Российской империи // Восточный архив. – Институт востоковедения РАН, М., 2005. – № 13. – С. 42-48. – 0,5 п.л.
26. Жерлицына Н.А. Дипломатические документы по истории российско-тунисских отношений как источник изучения стран Северной Африки. // Д.А. Ольдерогге и современная российская африканистика. – Институт Африки, М., 2005. – С. 77-84. – 0,5 п.л.
27. Жерлицына Н.А. Русско-турецкие войны конца XVIII- XIX вв. и их последствия для Тунисского регентства // Нестабильность в Африке. Уроки прошлого и современные процессы. – ИАФ., М., 2006. – С. 23-34. – 0,5 п.л.
28. Жерлицына Н.А. Установление французского протектората в Тунисе и Россия // Восточный архив. – 2009. – № 1/19. – С.46 – 51. – 0,5 п.л.
29. Жерлицына Н.А. Роль протектората Тунис в русско-французских военноморских связях в конце XIX – начале XX веков // Африканцы и россияне на перекрестках истории. – М., Институт Африки РАН, 2010. – С. 119 – 129. – 0,5 п.л.
30. Жерлицына Н.А. Религиозный фактор в колониальной стратегии Франции в Тунисском протекторате в 1881 – 1914 годах // VITALIUS. Сборник, посвященный 70-летию В.И. Шеремета. – М., Институт востоковедения, 2010. – С. 144 – 153. – 0,5 п.л.
31. Жерлицына Н.А. Исторические связи и сотрудничество России и Туниса // Россия и страны Магриба. – М., Институт Африки РАН, 2011. – С. 106 – 122. – 0,5 п.л.
32. Жерлицына Н.А. Тунис в путевых очерках российских путешественников конца XVIII - начала XX вв.// Россия и страны Магриба. – М., Институт Африки РАН, 2011. – С. 91 – 105. – 0,5 п.л.

33. Жерлицына Н.А. Русские научные экспедиции в Тунис в конце XIX – начале XX вв.»// Африканский сборник 2011. – СПбГУ, 2012. – С. 27 – 34. – 0,5 п.л.
34. Nataliya Zherlitsyna. Orthodox Greek Community in Tunisia Under the Auspices of the Russian Empire (With Reference to AVPRI) // African Studies in Russia. Works of the Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences. Yearbook 2014–2016. – Edition: Meabooks Inc. Canada, 2017. – P. 104 – 108. – 0,5 п.л.
35. Жерлицына Н.А. Ориенталистский дискурс в публицистике Российской империи в период колониального освоения Алжира Францией // Россия – Африка: от устной истории к постколониальному нарративу. Сборник материалов Всероссийской конференции с международным участием. – 18–20 мая 2022 года. – Ярославль, Филигрань, 2022. – С. 70-73. – 0,25 п.л.